

Николай РУБЦОВ

3

Annotation

КРАТКАЯ АВТОБИОГРАФИЯ

Родился в 1936 году, в селе Емецк Архангельской области.

Поскольку родителей лишился рано, воспитывался в детском доме, в селе Никольском Тотемского района Вологодской области.

В 1950 году закончил 7 классов. После этого:

1950–1952 — студент лесотехнического техникума (г. Тотьма Вологодской области).

1952–1953 — кочегар тралового флота (Трест «Северьба», г. Архангельск).

1953–1955 — студент горно-химического техникума (г. Кировск Мурманской области).

В 1955 г. работал слесарем-сборщиком на военно-испытательном полигоне в г. Ленинграде. В этом же году был призван на военную службу, на Северный флот. Закончил службу в звании старшего матроса.

1959—62 гг. — рабочий Кировского завода в г. Ленинграде.

В 1962 г. сдал экзамены экстерном за десять классов и поступил в Литературный институт им. Горького.

В настоящее время — студент 5-го курса этого института.

10/IX—67 г. Н. Рубцов

-
- [Письма](#)

- [И. Г. КАРКАВЦЕВУ](#)
- [В ТРАЛФЛОТ](#)
- [Т. А. СМИРНОВОЙ 1](#)
- [В. И. САФОНОВУ 2](#)
- [В. И. САФОНОВУ](#)
- [В. И. САФОНОВУ](#)
- [Г. Б. ГОПРЕ](#)
- [В. И. САФОНОВУ](#)
- [НЕИЗВЕСТНОЙ 4](#)
- [Э. М. ШНЕЙДЕРМАНУ 5](#)
- [КОНСТАНТИНУ КУЗЬМИНСКОМУ 6](#)
- [Г. Я. ГОРБОВСКОМУ](#)
- [Е. М. ДЕМЕНТЬЕВОЙ 7](#)
- [В ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИНСТИТУТ](#)
- [Г. М. РУБЦОВОЙ 8](#)
- [Э. М. ШНЕЙДЕРМАНУ 9](#)
- [Э. М. ШНЕЙДЕРМАНУ 10](#)
- [ПРОРЕКТОРУ ЛИТЕРАТУРНОГО ИНСТИТУТА А. А. МИГУНОВУ](#)
- [РЕКТОРУ ЛИТЕРАТУРНОГО ИНСТИТУТА И. Н. СЕРЕГИНУ](#)
- [РЕКТОРУ ЛИТЕРАТУРНОГО ИНСТИТУТА И. Н. СЕРЕГИНУ](#)
- [Г. М. МЕНЬШИКОВОЙ](#)
- [Б. А. СЛУЦКОМУ 11](#)
- [А.Я. ЯШИНУ](#)
- [РЕКТОРУ ЛИТЕРАТУРНОГО ИНСТИТУТА И. Н. СЕРЕГИНУ](#)
- [Е. А. ИСАЕВУ22](#)
- [Н. Н. СИДОРЕНКО](#)
- [ОТРЫВОК ИЗ ПИСЬМА ИЗДАТЕЛЮ](#)
- [В РЕКТОРАТ ЛИТЕРАТУРНОГО ИНСТИТУТА](#)
- [Н. Н. СИДОРЕНКО](#)
- [В. Ф. БОКОВУ 12](#)
- [С. П. БАГРОВУ 13](#)
- [Н. Н. СИДОРЕНКО](#)

- [А.Я. ЯШИНУ](#)
- [С. П. БАГРОВУ](#)
- [С. П. БАГРОВУ](#)
- [Н. Н. СИДОРЕНКО](#)
- [А. Я. ЯШИНУ](#)
- [С. П. БАГРОВУ](#)
- [С. П. БАГРОВУ](#)
- [А. Я. ЯШИНУ](#)
- [В. И. БЕЛОВУ](#)
- [Л. А. КАЛЕНИСТОВУ 17](#)
- [С. В. ВИКУЛОВУ 18](#)
- [С. П. БАГРОВУ](#)
- [С.Ю.КУНЯЕВУ](#)
- [С.Ю.КУНЯЕВУ](#)
- [С. В. ВИКУЛОВУ](#)
- [С. П. БАГРОВУ](#)
- [Г.Я.ГОРБОВСКОМУ](#)
- [В ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИНСТИТУТ](#)
- [Н. Н. СИДОРЕНКО](#)
- [Е. А. ИСАЕВУ](#)
- [НАЧИНАЮЩЕМУ АВТОРУ](#)
- [Н. Н. СИДОРЕНКО](#)
- [Б.А.ЧУЛКОВУ](#)
- [ИЗ ПИСЬМА В АРХАНГЕЛЬСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО](#)
- [Е. А. ИСАЕВУ](#)
- [РЕКТОРУ ЛИТЕРАТУРНОГО ИНСТИТУТА В. Ф. ПИМЕНОВУ](#)
- [В. К. СЕМАКИНУ 22](#)
- [А. А. РОМАНОВУ](#)
- [А. А. РОМАНОВУ](#)
- [В. Д. ЕЛЕСИНУ](#)
- [В. Д. ЕЛЕСИНУ](#)
- [В. Д. ЕЛЕСИНУ](#)
- [А. Я. ЯШИНУ](#)
- [Ф.Ф.КУЗНЕЦОВУ](#)
- [В ГОРОТДЕЛ МИЛИЦИИ г. ЧЕРЕПОВЦА](#)

- [А. А. РОМАНОВУ](#)
  - [В ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИНСТИТУТ](#)
  - [А. А. РОМАНОВУ](#)
  - [В. НЕЧУНАЕВУ И Б. ШИШАЕВУ](#)
  - [Ф.Ф.КУЗНЕЦОВУ](#)
  - [Л.А.МЕЛКОВУ](#)
  - [В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «ЮНОСТЬ» 25](#)
  - [В ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»](#)
  - [С. Н. ШМИТЬКО](#)
  - [В ВОЛОГОДСКИЙ ОБКОМ КПСС](#)
  - [В ПРИЕМНУЮ КОМИССИЮ СП РСФСР 26](#)
  - [Ю. Н. КУШАКУ 27](#)
  - [В. Д. ЕЛЕСИНУ](#)
  - [Н. ШИШОВУ 29](#)
  - [В СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ СССР 30](#)
  - [Н. МАКЛАКОВОЙ](#)
  - [В. И. ДРУГОВУ 31](#)
  - [В. М. ЕРМАКОВУ](#)
  - [А. А. МИХАЙЛОВУ](#)
  - [А. КРУГЛИКОВУ](#)
  - [М. А. КОТОВУ 32](#)
  - [А. В. КРУГЛИКОВУ 33](#)
  - [ЛЕНЕ МЕНЬШИКОВОЙ 34](#)
  - [Л.А.ДЕРБИНОЙ](#)
  - [В. М. ЕРМАКОВУ](#)
  - [Л.А.ДЕРБИНОЙ](#)
  - [В. М. ЕРМАКОВУ](#)
  - [В. Д. ЦЫБИНУ](#)
  - [В. М. ЕРМАКОВУ](#)
  - [СОДЕРЖАНИЕ](#)
-

Письма

И. Г. КАРКАВЦЕВУ

Архангельск, 12 сентября 1952

Начальнику Тралфлота т. Каркавцеву И. Г.
от Рубцова Н. М.
Заявление

Прошу Вас устроить меня на работу на тральщике в качестве угольщика. Просьбу прошу удовлетворить. К заявлению прилагаю:

1. Карточку медосмотра.
2. Две автобиографии.

Н. Рубцов. 12.09.52 г.

В ТРАЛФЛОТ

Архангельск, 23 июля 1953

Капитану РТ-20 «Архангельск» А. П. Шильникову
от Рубцова Н. М.
Заявление

Прошу вашего разрешения на выдачу мне
управлением тралфлота расчета ввиду поступления на
учебу.

Н. Рубцов

Т. А. СМИРНОВОЙ 1

1 января 1956

«Не стоит ни на грош
сия открытка... Все ж.
Как память
встреч случайных,
забытых нами встреч,
на случай грусти тайной
сумей ее сберечь.

Тае от Коли»

В. И. САФОНОВУ 2

Поселок Роста, 2 февраля 1959

Дорогой Валя, привет!

Письмо твое получил. Большое спасибо.

Твое доброе, деятельное настроение вдохнуло в меня порцию любви и жизни. Такую любовь можно смело назвать кислородом, которым дышит сердце и без которого легко задохнуться в угарных газах мрачного, скептического состояния. Ты своим письмом избавил меня от вредного и неприятного расположения духа, который тогда владел мной. В общем, я был очень и очень рад твоему письму.

Сейчас политзанятия. Минуту назад я с должным воодушевлением ответил на вопрос, заданный мне по теме. Больше, видимо, не потревожат, и я решил переключиться мыслями и вниманием к тебе.

Сперва о деле. Ты говоришь, что необходимо (или желательно) узнать подробности поездки Есенина в Мурманск. Действительно, это надо сделать и кто-то должен добиться здесь успеха, т. е. узнать, что требуется. К сожалению, для меня это пока почти невозможно, поскольку, сам знаешь, я на службе и потому лишен свободы действий.

Надо бы поехать в Мурманск и на месте попытаться найти людей, которые помогут. Перепиской вряд ли чего добьешься, но, не имея других средств, я все-таки написал одно письмо в Ростов-на-Дону знакомой преподавательнице литературы, она любит Есенина и прекрасно знает его биографию. Недавно она тоже была в Мурманске продолжительное время. Может, подскажет, с чего начать. А если в подходящее мурманское учреждение написать? Мало толку?

Что бы там ни было, помнить об этом деле буду постоянно. Да и невозможно забыть мне ничего, что касается Есенина. О нем всегда я думаю больше, чем о ком-либо. И всегда поражаюсь необыкновенной силе его стихов. Многие поэты, когда берут не фальшивые ноты, способны вызывать резонанс соответствующей душевной струны у читателя. А он, Сергей Есенин, вызывает звучание целого оркестра чувств, музыка которого, очевидно, может сопровождать человека в течение всей жизни.

Во мне полнокровной жизнью живут очень многие его стихи. Например, вот эти:

...Кто видал, как в ночи кипит
Кипяченых черемух рать?
Мне бы в ночь в голубой степи
Где-нибудь с кистенем стоять!

Так и представляется, как где-то в голубой сумрачной степи маячит одинокая разбойная фигура. Громкий свист... Тихий вскрик... И выплывает над степью луна, красная, будто тоже окровавленная...

Что за чувства в этих стихах? Неужели желание убивать? Этого не может быть! Вполне очевидно, что это неудержимо буйный (полнота чувств, бьющая через край, — самое ценное качество стиха, точно? Без него, без чувства, вернее, без нее, без полноты чувства, стих скучен и вял, как день без солнца) — повторяю: это неудержимо буйный (в русском духе) образ жестокой тоски по степному раздолью, по свободе. Не важно, что образ хулиганский. Главное в нем — романтика и кипение, с исключительной силой выразившие настроение (беру чисто поэтическую сторону дела).

Вообще в стихах должно быть «удесятеренное чувство жизни», как сказал Блок. Тогда они действенны.

Вот у Сельвинского:

...И мое далекое страдание,
Стиснутое, сжатое толпой,
Розой
                  окровавленной
                                  в стакане
Будет полыхать перед тобой!

В «Литературке» было напечатано. Ты читал? Наверное, тоже понравилось? В большинстве стихов наших флотских, как ты называешь, пиитов (да и не только наших) как раз недостает этого. Какие-то сухие, схематичные стишки. Не стоит говорить о том, что они не будут жить: они рождаются мертвыми.

Валя, я только что расписался, а конец политзанятий уже близок, и, пожалуй, надо кончать, чтобы не откладывать письмо до следующего случая: собратся что-то написать для меня всегда трудность. Да и зачем рассуждать так много, всего не перескажешь; и может получиться такое нагромождение чепухи, что ты вынужден будешь воскликнуть что-нибудь в духе Гоголя: «Это черт знает что!»

Рядом со мной сидит бывалый моряк, давний мой приятель. Он произносит иронический упрек в мой адрес: мол, меня не волнует (а должна волновать!) тема занятий. Я отвечаю, что люблю только самые интересные, захватывающие места. Но умалчиваю о том, что он уже надоел своими репликами. Не говорю этого потому, что он вспыльчив. Как спичка. Хотя и отходчив. Попилит и успокоится. Как крем-сода.

В. И. САФОНОВУ

Мурманск, 29 мая 1959 года

Валя, здравствуй! Здравствуй!

...Пишу тебе из мурманского госпиталя. Требовалась легкая операция — вот я сюда и угодил.

Дня три-четыре мучился, потом столько же примерно наслаждался тишиной и полным бездействием, потом все надоело. На корабль не очень-то хочется, но и здесь чувствуешь себя не лучше, чем собака на цепи, которой приходится тявкать только на кошку или на луну.

Обстановка для писания стихов подходящая, но у меня почти ничего не получается, и я решил убить время чтением разнообразной литературы. Читал немного учебник по стенографии — в основном искал почему-то обозначения слов «любовь» и «тебя», читал новеллы Мопассана, мемуары В. Рождественского в «Звезде», точнее, в нескольких «Звездах», и даже «Общую хирургию» просматривал. Между прочим, пришло здесь в голову, кажется, удачное сравнение: моряк обязан знать свое дело, как хирург свое дело знает. Каждый моряк.

Еще занимаюсь игрой в шахматы.

В понедельник или вторник на следующей неделе выпишусь.

Ночами часто предаюсь воспоминаниям. И очень в такие минуты хочется вырваться наконец на простор, поехать куда-нибудь, посмотреть на давно знакомые памятные места, послоняться по голубичным болотам да по земляничным полям или посидеть ночью в лесу у костра и наблюдать, как черные тени, падающие от

деревьев, передвигаются вокруг костра, словно какие-то таинственные существа.

Ужасно люблю такие вещи.

С особенным удовольствием теперь слушаю хорошую музыку, поставив динамик к самому уху, и иногда в такие минуты просто становлюсь ребенком, освобождая душу от всякой скверны, накопленной годами.

Ну, хватит об этом.

Посылаю тебе два стихотворения: «Дан семилетний план», «Сестра». Первое озаглавлено строкой Н. Асеева, и этот заголовок измени, если хочешь, как хочешь.

Второе написано с посвящением здешней девушке-медсестре.

Не подумай, что я влюблен, точнее, не подумай, что только я в нее влюблен: ее любят все за ее чудесный характер и работу. С ней говорить — то же, что дышать свежим чистым воздухом.

Если что не пойдет в газеты, сообщи об этом...

В стихах о семилетке в последней строфе слова «Ведь в каждом деле...», может, лучше заменить на «И в каждом деле...». Посмотри. В таком случае после сл. «растущее» надо будет, наверное, поставить многоточие?

А ты получил стихи «Первый поход»? А будет напечатано «Счастливого пути»?

Ответ пиши, конечно, не на госпиталь, на прежний адрес.

В. И. САФОНОВУ

Ленинград, март 1960 года

Валя, привет, привет!

Давно, давно собирался написать тебе письмо, да все не мог собраться в силу своего бестолкового, неорганизованного образа жизни. К тому же я не получил ответа от тебя на первое свое письмо и поэтому предполагал, что и второе может остаться без ответа.

Уже больше трех месяцев живу в Ленинграде. Прописали все-таки, этот случай относится к числу исключительных, ибо здесь свято и железно чтут указание горисполкома не прописывать в городе граждан из-за города, тем более из других областей. Появись в городе Диосфен, даже Диосфен, — его все равно не прописали бы здесь ни в одной бочке: бочек хватает и в других городах.

Живу в общежитии, очень благоустроенном. Есть газ, есть паровое отопление, есть красный уголок с телевизором, с книгами и журналами и с симпатичными девушками, есть вестибюль с большим зеркалом напротив входа с улицы, с большим количеством столов и даже с цветами на них.

В комнате всегда почти тихо, как в келье. Живут здесь со мной еще три человека. Один — врач (к сожалению, гинеколог), любитель поговорить о стихах, в основном о стихах Надсона, хотя понимает в поэзии столько же, сколько лошадь в махровой ткани. Другой — инженер, полстолетний холостяк с капризным и придурковатым характером и, что хуже всего, с болезненной привычкой стонать, охать и кричать, совсем как филин, по ночам. А встанет с похмелья —

лучше удирай из комнаты: стонет непрерывно, орет, будто рождает <...> Он, к счастью, неразговорчивый и редко бывает дома. А придет — все что-то пишет, пишет. «Ну, — думаю, — какой умный человек!» Но когда однажды в разговоре он назвал глупым и некрасивым известное выражение «зубная боль в сердце» (помнишь, Горький, решив застрелиться, сказал, что виноват в этом философ, придумавший зубную боль в сердце?), так вот тогда я потерял всякий интерес к устройству мозга и души этого инженера.

Третий — за год до меня демобилизовавшийся моряк. На заводе он ударник. Дома — мой напарник по уничтожению пережитков прошлого, вернее, одного пережитка: водки. Но, сколько мы ее ни уничтожали, все равно в магазинах водки навалом. Так что наши перспективы в этом деле, увы, плачевные. Очень часто вечерами он уходит к соседке, в которую влюблен, иногда приводит ее в нашу комнату. Нежность свою к ней он выражает на удивление своеобразно: грязным пальцем тычет ей в нос и при этом блаженно улыбается. Еще у него есть странная привычка задавать наивные вопросы:

— Налей, пожалуйста, чаю.

— Какого чаю?

Или:

— Слышал, Хрущев улетел в Индию?8

— Какой Хрущев?

Повторяю, в комнате у нас всегда тихо, зато в коридоре... Детей в нашем доме — как цыплят в инкубаторе. То соловьями заливаются (у многих свистульки), то слезами. И все прочее.

В городе весна. Давненько уже был сыгран ей подъем. Но она долго «тянулась» по подъему. Дрыхла, черт возьми, целый год, но, как недисциплинированный моряк, не захотела подняться сразу. За это была

наказана внеочередными метелями... Теперь поняла свою вину и выполняет обязанности добросовестно.

Валя, прости, что-то я ударился в разглагольствования. Наверное, читаешь и думаешь: «Вот дурачина! Мелет всякое!» Можно всю эту мою «философию» перечеркнуть и сказать коротко, поговоркой: сухая ложка рот дерет! Стихи без жизни — именно сухая ложка!

Но перечеркивать я ничего, однако, не буду, поскольку некогда сызнава начинать письмо. Ты сам перечеркни, что тебе не нравится.

Пару слов о планах на будущее. Ох уж к черту планы! Их у меня вовсе нет. Просто не знаю, что мне делать. Начать учиться? Что ж, начну, закончу, допустим, институт, а там что? На пенсию будет пора! Мне кажется, что вместе с юностью (что было до службы) прошла у меня и вся жизнь, поскольку нет у меня теперь ни мечты, ни любви к какому-либо делу, как тогда. Я бездельник, хотя и не сижу без дела. Впрочем, во мне уже снова начинает пробуждаться интерес к морю, к работе на гражданских судах. Может, подамся в Архангельск. Но для начала хочу, как говорится, приодеться, купить наконец штатские портки и прочее...

Валек, дорогой, ты хоть ответь на этот раз. Пиши обо всем, что касается стихов (слава богу, я хоть стихи люблю и мне наплевать, если сам не научусь их писать. Стыдно лезть в поэзию со своими стихами, когда знаешь, что был Шекспир, Пушкин, вернее, когда знаешь, что есть Шекспир, Пушкин...). Пиши о себе, конечно. И обязательно, прошу тебя, пошли мне своих стихов.

Ну, жду! Напишешь?

Крепко, крепко, крепко жму руку.

Привет Юре Кушаку.

Николай Рубцов.

Мой адрес: г. Ленинград, ул. Севастопольская, д. 5,
кв. 16.

Г. Б. ГОППЕ

Ленинград, март 1960 года

Уважаемый товарищ Гоппе!

Я получил Ваше письмо.

С удовольствием использовал бы возможность побывать на литконсультации, но, к сожалению, мне сейчас трудно выбрать для этого время.

Вы пишете, что на Вас странное впечатление произвело стихотворение «Воспоминание». А мне, хочу признаться, странным кажется Ваше впечатление. Что искусственного в том, что первые раздумья о родине связаны в моих воспоминаниях с ловлей налимов, с теми летними вечерами, какие описаны в стихотворении?

Я чувствую, что люблю свою деревню, реку, где можно ловить налимов, где полощется заря и отражаются кусты смородины, люблю все, что вижу вокруг, и, грешен, не подозревал, что эта любовь неестественна, поскольку она не связана с такими понятиями, как «целина», «спутник», «борьба за мир», «семилетний план»¹³. Правда, то была пора пятилеток и насаждения в засушливых районах сталинских, как их называли, лесополос. Но все равно это не имеет значения: внимательно слушать политинформации, читать газеты и работать я стал позднее.

Вы говорите: «Стихи очень традиционны». Согласен. Но этот грех наполовину не мой. Когда-то, читая стихи в газетах, я убедился и был убежден до последнего времени, что кроме поэзии так называемой «урапатриотической» у нас никакая поэзия не принимается. Позднее я стал печататься в газете «На страже Заполярья» — газете Северного флота. Там я уж на себе

испытал, что значит быть связанным строго заданными темами, не допускающими, так сказать, «художественной самодеятельности»: «Люблю море», «Хорошо служить на корабле», «Стучат сердца, как у героев», «Готов в строй!», «Любовь помогает служить моряку». Все авторы изощряются в выискивании оригинальных деталей, но главная-то мысль все равно не оригинальна, поскольку она газетная, казенная, как матросская шинель, выданная под расписку.

Не только там, и в некоторых других газетах шаблон, казенщина, можно сказать, узаконивается. После каждого напечатанного в такой газете стихотворения можно говорить другу: «Поздравь меня с законным браком!» Конечно же, были поэты и с декадентским душком. Например, Бродский. Он, конечно, не завоевал приза16, но в зале не было равнодушных во время его выступления.

Взявшись за ножку микрофона обеими руками и поднеся его вплотную к самому рту, он громко и картаво, покачивая головой в такт ритму стихов, читал:

У каждого свой храм!
У каждого свой гроб!
Шуму было! Одни кричат:
— При чем тут поэзия?!
— Долой его!
Другие вопят:
— Бродский, еще!
— Еще! Еще!

После этого вечера я долго не мог уснуть и утром опоздал на работу, потому что проспал. Печальный факт тлетворного влияния поэзии, когда слишком много думаешь о ней, в отрыве от жизни, в отрыве от гражданских обязанностей! Я знал, что завтра на

работу, но не придавал этому особенного значения и, как видите, поэтическое настроение в момент пришло в противоречие с задачами семилетки, обратилось в угрызение совести. И в деньги, которые мог бы заработать, но не заработал.

Так и в стихах. Поэзия исчезает в них, когда поэт перестает чувствовать землю под ногами и уносится в мир абстрактных идей и размышлений. Как говорится, выше головы не прыгнешь. Поэзия тоже не может прыгнуть выше жизни. Что не жизнь, все смерть. А что мы, флотские поэты, делали? Часто делали? Не пытаюсь даже присмотреться к ней, к жизни, не стараясь познать ее в конкретных ее подробностях, брали готовую, казенную мысль и терпеливо протаскивали ее сквозь весь свой лексикон, надеясь, что она, чужая мысль, обрстет новыми словами. Но, как ни трепыхайся, будешь все равно бессилён перед законами природы: чужая мысль — чужое слово, твоя мысль — твои слова! А твои мысли, твои слова только в твоей жизни. Коли есть талант, воспой не то, что тебе предлагают, а то, что видишь ты, что слышишь ты, что чувствуешь ты, чем живешь ты. И если ты духовно и идеологически в авангарде времени, никогда никакого отрыва от жизни не произойдет. Казенщина — это явно уход от жизни, отставание. Это не почва для поэзии. Это почва, по которой могут передвигаться лишь стихи-курицы, способные в лучшем случае лишь вспорхнуть на газетную страницу.

(письмо не окончено)

В. И. САФОНОВУ

Ленинград, 2 июля 1960 года

...Письмо твое получил. Правда, далеко не сразу, поскольку с прежнего места жительства (куда пришло письмо) давно перебрался в Ленинград. И оно, твое письмо, терпеливо ждало, когда я наконец соберусь на побывку в «старую хату».

От всей души, от всего сердца поздравляю тебя с браком. И от всей души и от всего сердца желаю тебе в новой жизни всего, что желают только другу.

Пусть в дальнем домике твоём
Никто ни с кем не лается.
Пусть только счастье входит в дом
И все, чего желается.

Валя, ты просил написать, на что я живу. Я благодарен тебе за твое внимание даже к деталям моего теперешнего житья. И отвечаю на вопрос: сперва было не очень-то весело, теперь же можно жить, т. к. работать устроился на советский завод, где, сам знаешь, меньше семисот рублей никто не получает. С полочки особенно хорошо: хожу в театры и в кино, жру пирожное и мороженое и шляюсь по городу, отнюдь не качаясь от голода.

Вообще живется как-то одиноко, без волнений, без особых радостей, без особого горя. Старею понемножку, так и не решив, для чего же живу. Хочется кому-то чего-то доказать, а что доказывать и кому доказывать — не знаю. А вот мне сама жизнь давненько уже доказала

необходимость иметь большую цель, к которой надо стремиться.

Но все это муть. Тебе все это неинтересно и старо. Дело жизни тобой выбрано, насколько я понимаю.

А мне нравятся только поездки в разные места.

Погода в Ленинграде неплохая. Лету давно был объявлен подъем. Но оно сперва, как недисциплинированный моряк, «тянулось», за это наказано несколькими внеочередными похолоданиями, теперь поняло свою вину и выполняет обязанности добросовестно. Что это мне взбрела на ум боевая и политическая подготовка— это-то тут при чем? Господи помилуй!..

С искренним приветом Н. Рубцов
Валя!

Извини, еще немного займу твое внимание.

Получил вчера из вашей газеты перевод девятнадцатирублевый. Мне интересно узнать, что это за миниатюра такая была напечатана в газете? Я таких коротких стихов не посылал. Может быть, ты читал ее, тогда, будь добр, напиши мне, про что в ней, в этой миниатюре. И еще напиши, пожалуйста, выходила ли полоса стихов б. ч. л. (бывших членов литобъединения. — Ред.), если выходила, было ли там мое что-нибудь?

Валя, а ты видел фильмы «Рапсодия», «Алексей Кольцов»? Какие это замечательные вещи, да?

Ну, дорогой Валька, еще раз поздравляю тебя, еще и еще раз крепко жму руку.

Искренне Н. Рубцов

P. S. Валя, очень прошу: если будешь писать ответ, пошли, пожалуйста, что-нибудь из своих стихов. Мне так хочется почитать их. Пиши. Очень жду.

НЕИЗВЕСТНОЙ 4

Лариса!

Привет, привет!

Ты спрашиваешь, почему я так и не написал письмо, хотя обещал. А мне интересно знать, не все ли равно тебе, напишу я или нет.

В общем, короче. Перехожу с прозы на стихи, коими для меня удобней выразить мысли. А также и чувства.

Ах, отчего мне
Сердце грусть кольнула.
Что за печаль у сердца моего?
Ты просто
В кочегарку заглянула,
И больше не случилось ничего.
Я разглядеть успел
Всего лишь челку,
Но за тобою, будто за судьбой,
Я выбежал,
Потом болтал без толку
О чем-то несущественном с тобой.
Я говорил невнятно,
Как бабуса,
Которой нужен гроб, а не любовь.
Знать, потому
Твоя подруга Люся
Посмеивалась, вскидывая бровь?
Вы ждали Вову.
Очень волновались.
Вы спрашивали: «Где же он сейчас?»
И на ветру легонько развевались,
Волнуясь тоже,
Волосы у вас.

Я знал
Волненья вашего причину
И то, что я здесь лишний,—
Тоже знал!
И потому,
Простившись чин по чину,
К своим котлам по лужам зашагал.
Нет, про любовь
Стихи не устарели!
Нельзя сказать, что это сор и лом.
С кем ты сейчас
Гуляешь по Форели?
И кто тебя целует за углом?
А если ты
Одна сидишь в квартире,
Скажи: ты никого к себе не ждешь?

Нет ни одной девчонки в целом мире,
Чтоб про любовь сказала: «Это ложь!»
И нет таких ребят на целом свете,
Что могут жить, девчонок не любя.
Гляжу в окно,
Где только дождь и ветер,
А вижу лишь тебя, тебя, тебя!

Лариса, слушай!
Я не вру нисколько —
Созвучен с сердцем каждый звук стиха.
А ты, быть может,
Скажешь: «Ну и Колька!»
И рассмеешься только: ха-ха-ха!

Тогда не сей
В душе моей заразу —
Тоску, что может жечь сильнее огня.
И больше не заглядывай ни разу

К нам в кочегарку!
Поняла меня?

С искренним приветом Н. Рубцов

Э. М. ШНЕЙДЕРМАНУ 5

Ленинград, начало 1961

Эдик, привет! Заниматься тем стихом было некогда. Когда-нибудь его сделаю и лучше. А пока — посмотри такой вариант:

Спотыкаясь даже о цветочки, —
Боже, тоже пьяная в дугу, —
Чья-то равнобедренная дочка
Двигалась, как радиус в кругу...

Тебе, наверное, знакомо чувство «затычки» в стихе, над которой бесполезно долго думать. Надо просто ждать. Просто подождать, когда решение само собой придет.

Ну, смотри. Думаю, что можно эту строфу дать и в таком виде.

Н. Рубцов

КОНСТАНТИНУ КУЗЬМИНСКОМУ 6

Ленинград, 15 августа 1961

Привет, привет, «несчастный» Костя!

Я читал у Эдика твое письмо, проникнутое трогательным пессимизмом, отчаянием.

Просишь стихов. Если не пошлем их, — сойдешь с ума в Феодосии, так что ли? Ну, ладно, друзьям полагается в таких случаях быть отзывчивыми и т. п., и я отзовусь, напишу тебе что-нибудь из своих стихов в конце письма. Подкрепи ими свои ослабевшие силы. Или травить в ближайшую урну потянет?

Но о чем писать? Говорить о лит. сплетнях? Но я почему-то не интересуюсь ими, и поэтому не могу покормить и напоить свежими слухами организм (обойдемся без эпитета) твоего любопытства. Это если понимать сплетни в их обычном, прозаически-унылом смысле. А если сплетни в твоём понимании — просто разговор осведомленных людей о новых стихах, о делах поэтов, то пожалуйста: недавно...

Впрочем, мне скоро на работу, так что писать об этом ничего не стану, тем более что все обыденно и изрядно поднадоело. Приедешь — все узнаешь. Ты ведь скоро приедешь? Не будешь ведь там всю жизнь околачиваться и сходить с ума. Все проходит, проходит и жизнь, а твое теперешнее состояние, новая обстановка — пройдут и подавно. Да, самое удивительное, самое возмутительное в том, что время идет независимо от наших соображений, от нашего желания. Вот черт!

А что, пожалуй, неплохо, что ты сейчас ничего не пишешь. Всю зиму, как мне кажется, ты писал, как

Жму лапу. Н. Рубцов

(см. на обороте)

(Текст на обороте листа) Севастопольская, д. 5, кв.

22.

Черкни, как будет время. Адью!

Г. Я. ГОРБОВСКОМУ

Ленинград, январь 1962

Глеб,
Ждал тебя!

Н. Рубцов

Е. М. ДЕМЕНТЬЕВОЙ 7

Ленинград, май 1962

Елена Мефодьевна,
извините, я принес стихи Вам сюда. Отпечатайте их, пожалуйста, не сбивая интервал (можно через малый, можно через большой, только так, чтобы каждый стих был размещен на одной странице).

Прошу отпечатать их в 4 экземплярах, на белой бумаге, пожалуйста.

Во вторник можно будет за ними зайти к Вам в завком?

Рассчитаюсь, как говорил.

С приветом Н. Рубцов

В ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИНСТИТУТ

Ленинград, май 1962

Дорогие товарищи!

Я посылаю на Ваш суд, на творческий конкурс стихи очень разные: веселые и грустные, с непосредственным выражением и с формалистическим уклоном (последние считаю сам лишь учебными, экспериментальными, но не отказываюсь от них, ибо и они от всей души, от жизни). Буду рад, если Вы найдете в них поэзию и допустите меня к приемным экзаменам.

Мне двадцать шестой год, я русский, чл. ВЛКСМ. Самостоятельную жизнь начал с 1950 года, после выхода из детского дома, где воспитывался с первого года войны. Все это время работал, учился. Служил четыре года на Северном флоте (кстати, стихи, которые посылаю, не о военном флоте, а о траловом, рыболовном).

Последнее время работаю на Кировском заводе в Ленинграде, шихтовщиком. Начинаю сдавать экзамены за десятый класс в вечерней школе. Думаю, что сдам: не зря ведь я посещал ее два года!

Желаю учиться на дневном отделении, на основном, в Вашем институте. Могу и на заочном.

В другие институты не тянет. А учиться надо.

Н. Рубцов

Ваш ответ пришлите, пожалуйста, по адресу:
г. Ленинград, ул. Севастопольская, дом 5, комната
22 Рубцову Николаю
Всего доброго!

P. S. Стихи, кот. посылаю, — в основном, последнего года. Писал и раньше.

Г. М. РУБЦОВОЙ 8

Вологда, 17 июля 1962

Галя, дорогая, здравствуй!

Как давно я тебя не видел! Встречу ли еще тебя? Сейчас я у отца и у Жени. Проездом. Еду в отпуск, в Тотьму. До свидания, Галя, дорогая. Целую.

Коля

Э. М. ШНЕЙДЕРМАНУ 9

Москва, 21 сентября 1962

Эдик, привет, привет! Только что вернулся в Москву из колхоза, где мы работали на картошке. Деревня нам досталась очень подлая. Без одной гармошки, без магазина, без девок... Деревня была даже без петухов. Дожди шли беспрерывно, и дул сильный ветер...

Живу я в комнате с одним дагестанским поэтом. До сих пор не могу заучить наизусть его фамилию и имя. Что-то такое туземское. Занятий еще не видел, ни разу на них не был. Буду в семинаре у Сидоренко.

Вчера с Макаровым заходил к Кореневу. Встретил нас дружелюбно. Много говорил о стихах. Мне он понравился, что говорить. Был рад знакомству с ним.

Эдик, стихи для «Оптимы» пошлю немного позднее. Вот только успокоюсь после колхоза. Пока все у меня. Как живешь ты? Какие новости? Передавай привет университетским, кого я знаю, всем. Будь здоровым и счастливым. С большим дружеским приветом.

Н. Рубцов.

Э. М. ШНЕЙДЕРМАНУ 10

Москва, октябрь 1962

Дорогой Эдик, привет, привет!

Посылаю стихи.

Попробуй как-нибудь разобраться в почерке и правильно отпечатать стихи.

А когда выходит «Оптима»?

Мою подборку открой «Элегией». Потом пусть будет тралфлотский цикл с таким расположением стихов: «В океане», «Фиалки», «На берегу», «Бывало». Двух стихов («Портовая ночь», «Я весь в мазуте») пусть не будет. Неохота просто больше мне писать. Потом — два стиха про любовь, «Видение в долине», «Поэт», «В этом городе крыши низкие» (обязательно этот стих напечатай в таком виде, в каком посылаю). И закрой подборку стихотворением «Космонавты советской земли».

«В океане» и «На берегу» сейчас не посылаю. Помнится, что они у тебя уже есть.

Стихи печатай смелей. Там просто чувства, отвлечение, точно? Тем более что все эти стихи я посылал уже сюда, в институт на конкурс. Ну, будь здоров, Эдик. Жду от тебя письма. Пиши. Посылай стихи свои.

С большим приветом Коля.

Привет Киму, Лене.

Н. Рубцов

P. S. Эдик, это стихотв[орение] помести после стиха «Птицы разного полета». Больше про любовь ничего не

надо. Про Гааза тоже не надо.

ПРОРЕКТОРУ ЛИТЕРАТУРНОГО ИНСТИТУТА А. А. МИГУНОВУ

Москва, 10 декабря 1962

Проректору Лит. института
от студента 1 курса Рубцова Н.
Объяснительная записка

Пропускал последнее время занятия по следующим причинам:

1. У меня умер отец. На три дня уехал поэтому в Вологду.

2. Взяли моего товарища Макарова. До этого момента и после того был занят с ним, с Макаровым.

3. К С. Макарову приехала девушка, которая оказалась в Москве одна. Несколько дней был с ней.

Обещаю не пропускать занятий без уважительных причин.

10/XII—62 г. Н. Рубцов

РЕКТОРУ ЛИТЕРАТУРНОГО ИНСТИТУТА И. Н. СЕРЕГИНУ

Москва, 7 января 1963

Ректору Литературного института им. Горького
тов. Серегину И. Н.
от студента первого курса осн. отд. Рубцова Н. М.
Заявление

Я не допущен к сдаче экзаменов, т. к. не сдавал зачеты.

Зачеты я не сдавал потому, что в это время выполнял заказ Центральной студии телевидения... Писал сценарий для передачи, которая состоится 9 января с. г.

Прошу Вас допустить меня к экзаменам и сдаче зачетов в период экзаменационной сессии.

7/1—63 г. Н. Рубцов

РЕКТОРУ ЛИТЕРАТУРНОГО ИНСТИТУТА И. Н. СЕРЕГИНУ

Москва, 25 февраля 1963

Ректору Литературного института им. Горького
тов. Серегину
от студента I курса Рубцова Н.
Объяснительная записка

После каникул я не в срок приступил к занятиям.
Объясняю, почему это произошло.

Каникулы я проводил в отдаленной деревне в
Вологодской области. Было очень трудно выехать
оттуда вовремя, т. к. транспорт там ходит очень редко.

Причину прошу считать уважительной.

25/II—63 Н. Рубцов

Г. М. МЕНЬШИКОВОЙ

Москва, апрель 1963

Телеграмма

Назови Леной Очень рад Коля

Б. А. СЛУЦКОМУ 11

Никольское, 3 июля 1963

Дорогой Борис Абрамович!

Извините, пожалуйста, что беспокою.

Помните, Вы были в Лит. институте на семинаре у Н. Сидоренко? Это письмо пишет Вам один из участников этого семинара — Рубцов Николай.

У меня к Вам (снова прошу извинить меня) просьба.

Дело в том, что я заехал глубоко в Вологодскую область, в классическую, так сказать, русскую деревню. Все, как дикие, смотрят на меня, на городского, расспрашивают. Я здесь пишу стихи и даже рассказы. (Некоторые стихи посылаю Вам, — может быть, прочитаете?)

Но у меня полное материальное банкротство. Мне даже не на что выплыть отсюда на парохоме и потом уехать на поезде. Поскольку у меня не оказалось адресов друзей, которые могли бы помочь, я решил с этой просьбой обратиться именно к Вам, просто как к настоящему человеку и любимому мной (и, безусловно, многими) поэту. Я думаю, что Вы не сочтете это письмо дерзким, фамильярным. Пишу так по необходимости.

Мне нужно бы в долг рублей 20. В сентябре, примерно, я их верну Вам.

Борис Абрамович! А какие здесь хорошие люди! Может быть, я идеализирую. Природа здесь тоже особенно хорошая. И тишина хорошая (ближайшая пристань за 25 км отсюда).

Только сейчас плохая погода, и она меняет всю картину. На небе все время тучи.

Между прочим, я здесь первый раз увидел, как младенцы улыбаются во сне, таинственно и ясно. Бабки говорят, что в это время с ними играют ангелы...

До свиданья, Борис Абрамович. От души всего Вам доброго. Буду теперь ждать от Вас ответа.

Мои стихи пока нигде не печатают. Постараюсь написать что-нибудь на всеобщие темы. Еще что-нибудь о скромных радостях.

Мой адрес:

Вологодская область, Тотемский район, Никольский сельсовет, село Никольское, Рубцову Николаю.

Салют Вашему дому!

З/VI—63 г.

* * *

Тихая моя родина!

Вербы, луна, соловьи...

Мать моя здесь похоронена

В давние годы мои.

— Где же могила, не видели?

Поле до края небес!

Тихо ответили жители:

«Каждому памятник — крест!»

Тихо ответили жители.

Тихо проехал обоз.

Купол церковной обители

Яркой травой зарос!

Лица старушек землистые,

Вроде могильной земли,

Тоже какую-то мгlistою

Серой травой заросли!

Там, где я плавал за рыбами,

Сено гребут в сеновал:
Между речными изгибами
Вырыли люди канал.
Тина теперь и болотина
Там, где купаться любил...
Тихая моя родина!
Я ничего не забыл...
Старый забор перед школою,
Тщательно выметен сор.
Словно ворона веселая,
Сяду опять на забор!
Школа моя деревянная!
Поле, холмы, облака...
Медом, зерном и сметаною
Пахнет в тени вербняка!
С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь...

ЗИМНИМ ВЕЧЕРОМ

Ветер, не ветер, —
иду из дома!
В хлеву знакомо
Хрустит солома,
и огонек светит.
А больше —
ни звука!
Ни огонечка!

Во мраке вьюга
Летит по кочкам!

Эх, Русь, Россия!
Что звону мало?
Что загрустила?
Что задремала?

Давай пожелаем
Всем доброй ночи!
Давай погуляем,
Давай похохочем!

И всех разгоним,
Кто с нами груб!
И вырвем с корнем
Столетний дуб!

И праздник
                        устроим,
И карты раскроем,
Эх, Козыри свежи,
А дураки — те же!

ЭЛЕГИЯ

Стукнул по карману —
Не звенит!
Стукнул по другому —
Не слышать!

В коммунизм —
В безоблачный зенит —
Полетели мысли отдыхать!
Память отбивается
От рук.
Молодость уходит
Из-под ног.
Солнышко описывает
Круг,—
Жизненный отсчитывает
Срок.

Я очнусь и выйду
За порог,
И пойду на ветер,
На откос
О печали пройденных дорог
Шелестеть
Остатками волос...
Стукну по карману —
Не звенит!
Стукну по другому —
Не слышать!
В коммунизм —
В безоблачный зенит —
Улетают мысли отдыхать.

* * *

А, между прочим, осень на дворе.
Такую осень вижу я впервые!
Скулит собака в темной конуре,
Залечивая раны боевые!
Бегут машины, словно от улик,

И вдруг с ухаба шлепаются в лужу!
Когда, буксуя, воеет грузовик,
Мне этот вой выматывает душу!
Кругом шумит холодная вода, —
И все кругом расплывчато и мглисто!
Незримый ветер, словно в невода,
Со всех сторон затягивает листья...
Раздался стук! Я выдернул засов.
Я рад обняться с верными друзьями.
Похохотали несколько часов,
Повеселились с грустными глазами.

Когда в сених опять простились мы,
Я первый раз так явственно услышал,
Как о суровой близости зимы
Осенний ливень жаловался крышам...
Прошла пора, когда в зеленый луг
Я открывал узорное оконце, —
И все лучи, как сотни добрых рук,
Мне по утрам протягивало солнце...

* * *

Вот ворона сидит на заборе.
Все амбары давно на запоре.
Все обозы прошли, все подводы,
Наступила пора непогоды.
Суется она на заборе:
Горе ей! Настоящее горе!
Мысли бегают, как электроны,
В голове у голодной вороны...

Н. Рубцов

А.Я. ЯШИНУ

Москва, 13 декабря, 1963

Дорогой Александр Яковлевич!

Студенты всех курсов института писали ректору, Ивану Николаевичу, обо мне. Просили восстановить. Ректор сказал, что всех их за это надо бы пропесочить! Он злой на меня. Сведения о моем проступке дошли до него в явно искаженном виде. Из искры раздули пламя (правда, искра была сильной).

Поэтому мне вряд ли стоит идти к нему. О чем с ним говорить? Жаловаться, что у меня нет ни специальности, ни дома (есть только любовь к одной избе и местности глубоко в Вологодской области, где прошло детство), нет ничего? Я не люблю жалобных слов.

Мне сказали, что исключил меня из института все-таки ректорат. Ни в каком секретариате такого приказа не было. Возможно, вполне возможно, были звонки из Союзного секретариата.

Когда В. Белов ругал меня на чем свет стоит, я хорошо понимал его. Более всего стыдно мне, Александр Яковлевич, перед Вами.

В общем, «мне осталась одна забава: пальцы в рот — и веселый свист!». В буквальном смысле, конечно, и этого не осталось.

Наверное, мне надо бы уехать куда-нибудь на месяц, на два, имея перспективу. Что мне нужно для этого сделать?

Извините за беспокойство.

Как я благодарен Вам за все. Вы сами понимаете.

Кто-то сказал, что я в институте подложил свинью. Когда поеду, позвоню Ивану Николаевичу, что я свинью не подкладывал. И Вас в этом уверяю.

Всего Вам наилучшего! Н. Рубцов

P. S. Никакой секретариат, наверное, и не имеет права писать приказы об исключении из института.

**РЕКТОРУ ЛИТЕРАТУРНОГО
ИНСТИТУТА И. Н. СЕРЕГИНУ**

Москва, 21 декабря 1963

Учитывая решение товарищеского суда, прошу
восстановить меня студентом института.

Н. Рубцов

Е. А. ИСАЕВУ22

Никольское, 1964

Дорогой Егор Александрович!

У меня в этой местности не было не только возможности отпечатать рукопись, как это положено — на машинке, но так получилось — даже не было возможности собрать рукопись поскорее. Очень Вас прошу: передайте, пожалуйста, всю эту разномастную (в смысле внешнего вида) мою рукопись машинистке в вашем издательстве. Потом я ей непременно за это, как говорится, заплачу. А после, видимо, она попадет к редактору?

Поверьте, пожалуйста, никак пока сделать иначе не мог. В случае чего можете связаться со мной (насчет этого дела) по адресу: Вологда, Ленина, 17, Союз писателей. От всей души желаю Вам здоровья, а также всех радостей.

Ваш Николай Рубцов

Сердечный привет также Н. Н. Сидоренко.

Н. Н. СИДОРЕНКО

Москва, 12 апреля 1964

Телеграмма

Москва В-311.....

.....Сидоренко Н. Н.

Москвы 6402 16 12 1315

ДОРОГОЙ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ ХРИСТОС ВОСКРЕС
— РУБЦОВ —

ОТРЫВОК ИЗ ПИСЬМА ИЗДАТЕЛЮ

Весна-лето 1964

Если учесть, что, согласившись во многом с Вашими другими критическими замечаниями по рукописи, я убрал из первого ее варианта почти половину стихов, то тогда, наверное, не будет нескромным с моей стороны попросить издательство оставить в рукописи эти 2 стихотворения — «По вечерам» и «Жара». Думаю, что и в художественном смысле эта просьба небезосновательна.

Еще кое о чем. О стихотворении «В святой обители природы». Вы сказали, что оно написано ниже возможностей автора. И только. Я не настаиваю и не прошу, чтоб оно осталось в рукописи. Хочу только сказать, что как раз об этом стихотворении я особенно иного мнения, но железная убедительность Вашего критического довода оставляет меня бессловесным. Но в общем, Бог с ним, пусть это стихотворение не будет в рукописи. Я примерно предполагаю, что Вы имели в виду, и говорить мне о нем значит говорить неконкретно, а вообще рассказывать о своих взглядах на содержание и форму стихов. А предполагаю я то, что Вы считаете стихи такого рода, как это, неоригинальными и пустыми.

Стихотворение «Уединившись за оконцем» Вы назвали легковесным. По-моему, легковесными следует считать те стихи, которые лишены всякого настроения, а значит, и поэтического смысла, а не те стихи, в которых выражено легкое настроение или состояние духа и выражено легко. Иначе, стихотворение Есенина, например, «Вот уж вечер. Роса блестит на крапиве. Я

стою у дороги, прислонившись к иве»— тоже стихотворение просто легковесное, а не удивительный шедевр чистоты души и духа. Но это между прочим. Так же и об этом стихотворении не прошу, чтоб оно осталось в рукописи. Тем более, что в последнее время я не считаю его законченным по форме.

Что касается стихотворения «Ось», то должен сказать, что я совершенно против того, чтоб его поставить первым в книжке. Меня мало устраивает такой довод, что в нем особенно ярко выражена моя позиция. Я считаю, что моя позиция, т. е. мои привязанности, моя любовь, должны быть понятны по моим стихам, которые я пишу искренне, — и, значит, не нуждаюсь в декларации моей позиции. А стихотворение «Ось» как раз декларативное и вдобавок легковесное, т. е. оно лишено отчетливого настроения. И еще вдобавок оно не лишено какого-то гладкописного ритма. Так что я совершенно не буду огорчен, если в издательстве вообще предложат убрать его из рукописи. Не буду против того также, если из рукописи уберут стихи «Впечатление детства» и «Вечер на сенокосе», т. к. последнее время считаю их какими-то пустяковыми.

Все это, что касается некоторых моих возражений и моего мнения о некоторых моих стихах, я сказал лишь как автор рукописи, для большей ясности дела. Просьба же моя остается прежняя: оставить в рукописи стихи «По вечерам» и «Жара».

Да, я тогда позабыл оставить в издательстве стихотворение «Тихая моя родина», которое было одобрено в Вашей первой рецензии. Просто забыл. Поэтому я высылаю его сейчас и прошу опять его включить в рукопись. О названии книжки я еще подумаю. Передайте, пожалуйста, это письмо директору издательства, т. к. это мое письмо не просто Вам, а как представителю издательства. Или нет, лучше

я пошлю это письмо в нормальном порядке директору, а он передаст его Вам. Искренний привет и наилучшие пожелания издательству. Извините за поспешные неловкие фразы.

С уважением Н. Рубцов

В РЕКТОРАТ ЛИТЕРАТУРНОГО ИНСТИТУТА

Москва, 23 июня 1964

В ректорат Литературного института им. Горького
от Рубцова Н. М.

Заявление

Прошу перевести меня на заочное отделение сроком на 1 год, т. к. я хочу в производственной обстановке работать над книжкой.

Прошу на время заочного обучения оставить меня в творческом семинаре Н. Н. Сидоренко.

23/VI—64 Н. Рубцов

Н. Н. СИДОРЕНКО

Никольское, 10 июля

Здравствуйте, Николай Николаевич!

Пишу Вам из села Никольское, куда я собирался. Это бедное, доброе, красивое (правда, немного беспорядочное) село. По вечерам здесь бывает особенно тихо, грустно и хорошо. Люди здесь, как везде, относятся друг к другу по-разному, но мне они почему-то все кажутся почти одинаково хорошими настоящими людьми.

Иногда пишу стихи. Например, такие:

* * *

Поднявшись на холмах,
старинные деревни
И до сих пор стоят, немного накреньясь,
И древние, как Русь, могучие деревья
Темнеют вдоль дорог,
листву роняя в грязь.
Но есть в одном селе,
видавшем сны цветенья
И вихри тех ночей, когда нельзя дремать,
Заросший навсегда травой запустенья
Тот дворик дорогой, где я оставил мать.
Со сверстницею здесь мы лето проводили,
И, проводив, грустим уж много-много лет,
Грустнее от того, что все мои печали
Кому я расскажу? Друзей со мною нет...
Ну что ж! Пусть будет так!

Преград не зная и обходов,
    Как шумно, жизнь твою губя,
От проходящих пароходов
    Несутся волны на тебя!
А есть укромный край природы,
    Где могут, родственно звуча,
В тени струящиеся воды
    На ласку лаской отвечать...

Я получил письмо из Архангельска. Стихи «Русский огонек», «По холмам задремавшим» и еще многие стихи, которые дали бы лицо книжке, мне предлагают обязательно убрать из рукописи. Даже стихотворение «В горнице моей светло» почему-то выбрасывают. Жаль. Но что же делать? Останутся в книжке стихи мои самые давние, мной самим давно позабытые. Хорошо, что оставили стихотворение «Тихая моя родина».

Николай Николаевич, а что это значит, что книжку мою включили в план редакционно-подготовительных работ на 1965 г.? Это значит ли, что книжка в 65 г. выйдет? Объем ее — 1 п. л. Много ли это стихов, строчек, примерно?

Тут на днях умер один забавный старик. Жил он со старухой, да с ними сноха (жена сына). Сын-то умер еще раньше, кажется, потонул. Так вот, пошла однажды старуха корову доить, а старик полез на печь к снохе и говорит ей: — Дашь? Сноха отвечает: — Дам! Да как даст ему подзатыльника, — старик кубарем с печки полетел. А после говорит: — Так и знал, что дашь, только чего дашь, не знал!

Николай Николаевич, а как же быть с журналом «Огонек»? Надо бы дать туда стихи-то. Ведь говорили об этом. Вообще мне хочется получить какой-нибудь гонорар да угостить здешних своих дружков и мужиков.

Из «Юности» что-то не посылают, а летней стипендии эти черти лишили меня! Мне не за себя обидно, обидно за то, что я не могу совсем сделать что-нибудь хорошее для людей (купить, например, кому-нибудь подарок).

Вообще зачем это сидят там, в институте, некоторые «главные» люди, которые совершенно не любят поэзию, а, значит, не понимают и не любят поэтов. С ними даже как-то странно говорить о стихах (это в Литературном-то институте!). Они все время говорили со мной, например, только о том, почему я выпил, почему меня вывели откуда-то, почему и т. п., как будто это главное в моей жизни. Они ничего не понимают, а я все объяснял, объяснял, объяснял...

Николай Николаевич, у меня в 6-м номере «Юности» вышли стихи, а ни одного журнала у меня нет. Вы не могли бы послать мне сюда в деревню один экземпляр этого номера? Я буду очень благодарен Вам. Сюда его не посылают. Да и вообще я ручку и бумагу с трудом здесь раздобыл. Пробовал было написать Вам ястребиным (или вроде вороньим) пером. Ничего не получилось.

Заявление на заочное я подал и просил в заявлении, чтоб меня оставили в Вашем семинаре.

Лето проведу, наверное, здесь. А там — видно будет! Что бог даст.

До свиданья, дорогой Николай Николаевич, привет Вашей прекрасной семье и еще — Владимиру Соколову. Напишите, пожалуйста, пока я здесь, да, если не затруднит, вышлите «Юность».

С искренней любовью и приветом Н. Рубцов

Мой адрес: Вологодская обл., Тотемский р-н, Никольский с/с, с. Никольское.

В. Ф. БОКОВУ 12

Никольское, 15 июля 1964

Здравствуйте, Виктор Федорович!

Пишу Вам из села Никольского, где сейчас установилась великолепная погода. Все время тепло и ясно (удивительно ясно по вечерам), временами пролетают веселые грозы, один раз только была страшная гроза. Село это совсем небольшое, как деревня, и расположено в очень живописной местности: дорога из леса неожиданно выходит к реке, а там, за рекой, плавно изогнувшись, поднимается в пологую гору, на горе разрушенная церковь (мне ужасно жаль ее), возле церкви старые березы, под березами какой-то одинокий крест, а вправо от этой великолепно-печальной развалины по бугристому зеленому холму и расположено Никольское (здесь его называют коротко, Николой). Вокруг села леса, все леса и через леса видны на далеких старинных холмах еще деревни. Простор, дай бог! Небо видно все полностью, от горизонта до горизонта, не то, что в городе.

Сейчас земля пошла плодоносить: всю созревают ягоды, встречаются и грибы, правда, еще редко. В лугах косят. Грустно немного видеть, как под косой падают заодно с травой и цветы.

Но как бы ни было сейчас хорошо, это еще не моя пора. Вот ближе к осени, когда пойдут рыжики да малина, да местность, пока что однообразно зеленая, будет приобретать различные яркие цвета, вот тогда я как бы полностью уничтожаюсь (или, может быть, возвышаюсь над обыденным собой) и существую уже

заодно с природой, живу какой-то особенной, полной, спокойной жизнью, как сама природа.

Вот так и сейчас, как говорится, устроился. Москву вспоминаю. Иногда с добрым чувством. Очень хорошо запомнил день, когда был у Вас.

Стихи пишутся вроде бы легко. За несколько дней написал около двадцати стихотворений. Кое-какие из них (и одно старое «Однажды», из цикла о знаменитых людях, который я задумал, но который трудно мне еще написать) посылаю сейчас Вам, Виктор Федорович, может быть, эти стихи — не чепуха, и Вы найдете возможным предложить что-нибудь из них в День поэзии? Или туда уже поздно? Вообще мне очень важно знать Ваше мнение о них. Может, я не о том и не так пишу сейчас.

Видел сегодня «Юность». В целом, конечно, я недоволен этой подборкой. Тем более, там еще оказалась одна поправка, уж совершенно дурацкая. Что это за строфа-калека:

Они с родными целовались,
И дул в лицо им мокрый норд,
Суда гудели, надрываясь,
Матросов требуя на борт!
Вот, например, один из ненапечатанных вариантов:

Они с родными целовались,
В лицо им дул знобящий норд,
Суда гудели, надрывались,
Матросов требуя на борт!
Ну, да ладно!

Люди здесь, в селе, умные, оригинальные, большинство с великолепным чувством юмора, так что, играя просто в карты, например, можно до смерти

нахохотаться! Разные люди, добрые и скупые, мрачные и веселые, но все интересные почему-то.

Ну, у меня пока все.

До свиданья, дорогой Виктор Федорович, всего вам самого доброго, и здоровья, и стихов, и успеха, и настроения.

Привет Вале.

С искренней любовью и приветом Николай Рубцов.
15/VII—64 г.

Мой адрес: Вологодская обл., Тотемский район, село Никольское.

P.S. Может быть, у Вас найдется минута, чтоб послать мне пару, как говорится, слов? Я здесь буду до сентября.

С. П. БАГРОВУ 13

27 июля 1964 года

Здравствуй, Сережа!

Я снова в своей Николе. А ты? В своей ли Тотьме? Что-то я не вижу в здешних газетах твоей фамилии. Может быть, ты уехал или отъехал куда-нибудь и мое письмо не застанет тебя дома?

Живу я здесь уже месяц. Погода, на мой взгляд, великолепная, ягод в лесу полно — так что я не унываю.

Вася Белов говорил мне, что был в Тотьме, был у тебя. В Тотьме у тебя ему понравилось. Да иначе и не может быть!

Хотелось бы мне встретить тебя, тем более, что у меня есть к тебе дело. О нем я пока не стану говорить. Думаю, что заеду в Тотьму, вот тогда об этом и поговорим.

Ты обязательно, я прошу, дай мне ответ на это письмо, если ты дома. Я буду знать, что ты никуда не уехал. А иначе (если ты уехал) и в Тотьму мне заезжать нечего.

Может быть, ты возьмешь командировку опять в Николу? И тебе неплохо несколько дней пошляться по этой грустной и красивой местности.

Ты не видел моих стихов в «Молодой гвардии» и в «Юности», 6-е номера? Я недоволен подборкой в «Юности», да и той, в «Молодой гвардии». Но ничего. Вот в 8-м номере «Октября» (в августе) выйдет, по моему, неплохая подборка моих стихов. Посмотри. Может быть, в 9-м номере. Но будут.

Какие у тебя новости? Как живется тебе? Как пишется?

Жду от тебя письма. До свидания.

Крепко жму твою добрую мускулистую руку!

С искренним приветом Н. Рубцов

Мой адрес: Тотемский р-н, Никольский с/с, с.
Никольское. Привет твоей маме. 27/7-64 г.

Пиши ответ скорее: мои каникулы уже на исходе. Во
второй половине августа уеду отсюда.

Н. Н. СИДОРЕНКО

Никольское, 15 августа 1964

Здравствуйте, Николай Николаевич!

Ваше письмо я получил, за что очень благодарен Вам. В деревне мне уже стало скучновато. Это потому, что опять в лесу нет рыжиков. Позор какой! Уже несколько лет подряд нету их! А может быть, и вырастут еще. Тогда мне будет веселее.

За это время написал уже тридцать с лишним стихотворений. По-моему, есть там и хорошие. Я согласен с вами, с Вашим мнением о тех стихах, которые я послал Вам в первом письме. «Поднявшись на холмах, старинные деревни...» — действительно какая-то деталь прежних настроений, моих же. Но стихотворение «Когда душе моей сойдет успокоенье», «Зачем ты, ива, вырастаешь над судоходною рекой» — по-моему, нечто другое.

Николай Николаевич! Посылаю Вам для «Огонька» несколько новых стихотворений, и еще хотелось бы мне, чтоб Вы из старых предложили журналу такие стихи: «Тихая моя родина», «Во мгле по холмам зеленым» («На родину!») и «На перевозе» («Много серой воды, много серого неба»). Чтоб уж подборка стихов была более менее, как говорится, ничего. А то я очень недоволен, например, подборкой в «Юности». Отредактировали еще некоторые строфы нелепо.

А в «Октябре», в 8-м номере, Вы видели мои стихи? Два из них, по-моему, тоже ничего. А какое Ваше мнение?

Как ваше здоровье? Не подводит иногда? Желая Вам, Николай Николаевич, отличного здоровья. Это в

первую очередь. И во всем остальном — наилучшего!

У меня пока все. До свидания! Большой привет всей Вашей семье! Привет Москве.

Н. Рубцов

А.Я. ЯШИНУ

Никольское, 22 августа, 1964

Здравствуйте, Александр Яковлевич! Пишу Вам из села Никольского. Это в старинном Тотемском районе Вологодской области. Вы, наверное, бывали и здесь, в этих красивых и грустных местах?

Здесь великолепные (или мне только кажется) холмы по обе стороны неширокой реки Толшмы, деревни на холмах (виды деревень), леса, небеса. У реки, вернее, над рекой, сразу у въезда в Николу (так здесь коротко называют село), под березами — разрушенная церковь. Тоже великолепная развалина! В этой местности когда-то я закончил семь классов (здесь для души моей родина), здесь мне нравится, и я провожу здесь уже второе лето.

Дорогой Александр Яковлевич! Сколько раз звонил Вам по телефону в Москве, а все не мог дозвониться. Даже в праздники не смог по-человечески поздравить Вас. Один раз кто-то сразу же вмешался, другой раз ничего не было слышно. Я слышал только, как Вы сказали «Але!». В общем-то, оба раза я сказал все-таки в трубку «Поздравляю!».

Село это культурное: выписывает всевозможные газеты. Я тоже иногда читаю их. Читал в «Вологодском комсомольце» 14 Ваши стихи. Очень, очень обрадовался Вашей фамилии в газете и Вашим стихам.

Вообще-то, «Вологодский комсомолец» — газета унылая. Печатает удивительно неуклюжие, пустяковые «современные» местные стихи. Уж сколько раз твердили миру, что мы молотобойцы, градостроители и т. п., и все твердят, твердят! А где лиризм,

естественность, звучность? Иначе, где поэзия? Да еще многие из пишущих со своим легкомысленным представлением об этом деле носятся, как курица с яйцом! Впрочем, это сейчас широко распространено на Руси.

О Вашей «Вологодской свадьбе», об этом прекрасном литературном явлении, слава богу, и здесь стали говорить лучше, трезвее. Ведь правда, как пьяные, наговорили тогда, помянуть Гоголя, черт знает что! Беда, конечно, в том, что очень уж немногие могут иметь в этом деле действительно свое, действительно толковое мнение!

Ну, до чего жаль, что в лесу опять нет рыжиков! Недавно в лесу так обиделся на это, что даже написал стихотворение о том, как много бывает грибов: в общем, не смог обойтись без того, чтоб не приукрасить свою лесную жизнь. Иначе было бы очень скучно. Ужасно люблю собирать грибы, особенно рыжики! Когда их много, рыжиков, они так и заманивают в лес! Я беспрерывно вижу их во сне и просто так, перед глазами: мерещатся.

Ягод в лесу нынче полно. Но я больше люблю смотреть на них. Собирать с удовольствием могу только такие ягоды, которые быстро прибывают в ведре или корзине. Ну, есть такие: брусника, клюква, смородина.

Вы знаете, в собирании земляники и малины мне все чудится что-то сиротское, старинное, особенно милое и грустное, даже горестное. В одной старой песне так и поется: «Послали меня за малиной...»

Между прочим, вчера с великим наслаждением и тоской слушал романсы в исполнении Надежды Андреевны Обуховой. По радио передавали. Как было все прекрасно: и музыка, и слова, и голос!

В это лето напечатали две подборки моих стихов. В «Октябре» и в «Юности». Подборка в «Юности» никуда не годится. Я не согласился бы печатать ее, если б в это

лето мне не очень потребовались деньги. Да еще так отредактировали кое-какие места. Вместо «суда гудели, надрывались...» напечатали «суда гудели, надрываясь». В результате и рифма стала безвкусной, и слово «надрывались» потеряло ударное значение. «И дул в лицо им мокрый норд» — не моя строчка. Как легко было строчку эту сделать лучше, вдобавок избежать «им мокрый»! А из стихотворения «Загородил мою дорогу грузовика широкий зад» после поправок получилось нечто вроде блокнотной записи.

В «Октябре» ко мне отнеслись хорошо. Стихи прошли через Кочетова А. Д. Стариков (зам. редактора) старался тоже напечатать что-нибудь получше. В этой подборке есть тоже плохие места, но тут уж виноват я сам полностью и недоволен за это только собой.

А все-таки, если б не Вы: сидеть бы мне сейчас за железной решеткой, распевать бы да слагать тюремные песенки, да клевать бы, как птица, клюкву на болоте во время перекуров. Да ходил бы за мной стражник с огромным таким штыком!

Хотелось бы мне напечатать стихи в «Литературной газете», но это абсолютно невозможно, даже если найдутся стихи подходящие. Пробовал. Похвалят меня, и уйду я с богом.

Здесь за полтора месяца написал около сорока стихотворений. В основном о природе, есть и плохие и есть вроде ничего. Но писал по-другому, как мне кажется. Предпочитал использовать слова только духовного, эмоционально-образного содержания, которые звучали до нас сотни лет и столько же будут жить после нас. По-моему, совсем не обязательно в лирике употреблять современные слова. Современное слово «трактор», например, через десяток-другой лет может звучать уже архаично, как преходящая обыденность. В общем, было такое настроение, а что дальше — видно будет. Кое-какие стихи летние

посылаю Вам. Извините, разболтался я, как воробей на просыпанном зерне. До свидания, Александр Яковлевич! Сердечный привет Злате Константиновне, всей вашей чудесной семье.

С искренней любовью Н. Рубцов

С. П. БАГРОВУ

Никольское, август 1964 года

Сереза, милый!

Как доехал? Не сломался мотоцикл?

Сразу после тебя целые сутки у нас был дождь. Сразу же после дождя я побежал в лес искать рыжики. Рыжиков не нашел, но зато написал стихотворение о том, как много в лесу бывает грибов 15. Это стихотворение наполовину навеяно случайно связанной с тобой строчкой (а может быть, и не случайно): «Ведьмы тоже по-детски плачут». Посылаю его тебе. По-моему, оно получилось неплохим. Ты лучше что-нибудь выкинь из тех стихов, а это предложи своей газете.

Я очень был рад твоему приезду. Спасибо тебе, что «наш двор уединенный, пустынным снегом занесенный, твой колокольчик огласил!» (Пушкин).

Вышел 8-й номер «Октября». Там есть и мои стихи. Я уже их читал. А ты не читал? Посмотри, если найдешь как-нибудь минуту свободного времени. Сядь в кресло, закури сигару и почитай помаленьку, балагурия о том, о сем...

Я получил письмо от одного московского товарища, поэта. Собирается приехать ко мне в Николу. Поздновато он что-то надумал: пока едет, пока то да се, — я буду готовиться покинуть эту святую обитель природы. Да как знать! Может, потом вместе заглянем к тебе.

А рыжики еще будут!

Ваня Серков уехал. Почти всю ночь просидели у прощального костра. Жаль, что он уехал.

...Ну, будь здоров! До свидания, Сережа. Пиши. Буду ждать.

Сердечный привет Елесину 16...

Н. Рубцов

С. П. БАГРОВУ

Никольское, август 1964 года

Сереза!

Черт возьми! Еще раз приходится тебя беспокоить.
Пустяк, но все-таки.

Только что отправил тебе письмо и вспомнил, что в посланном стихотворении одна строфа отпечатана не так. Вернее, одна строчка: «Будто видишь ты сновидение?»

Надо так: «Будто видит твоя душа сновидение?»

Извини за беспокойство.

Еще раз привет!

Н. Рубцов

Н. Н. СИДОРЕНКО

Никольское, 23 сентября 1964

Добрый день, Николай Николаевич!

Письмо Ваше получил. Очень обрадовался ему, тем более, что никто уж мне сюда не пишет. Кто летом еще и посылал весточку, тот теперь уж думает, что меня здесь нет.

Погода у нас вовсе осенняя. Недолго, помянуть Тютчева, весь день стоял как бы хрустальный и лучезарны были вечера. Дожди, холода, скоро, наверное, перестанут ходить пароходы.

Да, Николай Николаевич, я получил от Вас и «Юность», и «Октябрь». Большое спасибо Вам и за это, и за все.

Фотокарточку для «Огонька» я посылаю с этим письмом. А что рассказывать, как Вы выразились, о моем жизненном пути? Я уже плохо все помню. Родился в Архангельской области, в поселке Емецк (это я знаю по своим документам), но все детство прошло в этом вот селе Никольском, в Вологодской области, в детском доме. После учился в двух техникумах, в лесотехническом и в горном (вообще после детдома мне довелось много «попутешествовать»), год работал кочегаром в Архангельском траловом флоте (зимой этот флот базируется в Мурманске), работал на военном испытательном полигоне в Ленинграде некоторое время, потом пошел служить на военный флот, опять на Северном море. Служил матросом 4 года, с 1955 по 1959 г. Потом два года работал на Кировском (бывшем Путиловском) заводе в Ленинграде — слесарем, шихтовщиком и еще кое-кем. А уж после поступил в Лит. институт. Больше двух лет жизни на одном месте

не выдерживал, всегда тянуло в разные края. Исключение — служба на Северном флоте. Там уж все по-особому. Вот так вкратце об этом пути. Да, родился в семье значительного партийного работника. Его даже врагом народа объявляли, потом освободили, и статья о его реабилитации была напечатана, кажется, в 1939 г. в Архангельской областной газете. Больше всего времени он работал вообще-то в Вологде. Свою мать не помню почти, ничего в ней не знаю. Надо будет о ней когда-нибудь мне порасспрашивать брата.

Николай Николаевич, а зачем все эти сведения нужны во «врезке»? Ну, конечно. Вы-то должны иметь обо всем этом более полное представление, поэтому я все это и написал.

Не понимаю, что значит Ваши слова: «Я подал заявление о вашем восстановлении...» Разве меня исключали из института? Если так, то это для меня новость, мне никто об этом не сообщал. Предлагали только перейти на заочное. А если меня исключили, так Вы не беспокойтесь обо мне. Бог с ним! Уеду куда-нибудь на Дальний Восток или на Кавказ. Буду там, на Кавказе, например, карабкаться по горным кручам. Плохо, что ли? Пока могу карабкаться по скалам, до тех пор и живой и полон сил, а это главное.

Вы просите меня рассказать о какой-то «истории». Не знаю, какую такую историю Вы имеете в виду, поэтому пока ничего рассказывать не буду. Вы уж извините, Николай Николаевич.

А что, Рябикин опять дал на обсуждение стихи в прежнем «стиле»? По-моему, с ним семинару Вашему надо бы расстаться за одно описание, как он обнюхивал какой-то самолет. До сих пор не могу забыть эту диковину. Человек, несущий хотя бы немного поэзии, отличается особой живостью и переменчивостью настроений, у такого человека всегда ярко выражены

симпатии, в отличие от большинства, — и, глядя на Рябикина, не скажешь, что в нем есть поэзия.

Ну, вот, Николай Николаевич, у меня пока все. Здешних стихов у меня уже больше пятидесяти, — это в основном июльские и августовские, в сентябре почти ничего не написал. Ну, в общем, рукопись еще одной книжки есть. Куда бы ее только сдать?

Вот кое-что из последних стихов:

ВЕНЕРА

Где осенняя стужа кругом
Вот уж первым ледком прозвенела,
Там любовно над бедным прудом
Драгоценная блещет Венера!
Жил однажды прекрасный поэт,
Да столкнулся с ее красотой, —
И душа, излучавшая свет,
Долго билась с прекрасной звездой.
Но Венеры играющий свет
Засиял при своем приближеньи
Так, что бросился в воду поэт
И уплыл за ее отраженьем...
Старый пруд забывает с трудом,
Как боролись прекрасные силы...
Но Венера над бедным прудом
Доведет и меня до могилы!
Ну, так что же! Не все под звездой
Погибают — один или двое!
Всех, звезда, испытай красотой,
Чтоб узнали, что это такое!..

* * *

Уединившись за оконцем,
Я с головой ушел в труды!
В окно закатывалось солнце,
И влагой веяли пруды.
И вдруг являлся образ предка
С холмов, забывших свой предел,
Где он с торжественностью редкой
В колокола, крестясь, гремел!
Как жизнь полна! Иду в рубашке,
А ветер дышит все живей,
Журчит вода, цветут ромашки,
На них ложится тень ветвей.
И так счастливо реют годы,
Как будто лебеди вдали
На наши пастбища и воды
Летят со всех сторон земли!
И снова в чистое оконце
Покоить скромные труды
Ко мне закатывалось солнце,
И влагой веяли пруды...

* * *

Мне лошадь встретилась
в кустах.
И вздрогнул я. А было поздно.
В любой воде таился страх,
В любом сарае сенокосном...
Зачем она в такой глуши
Явилась мне в такую пору?
Мы были две живых души,

Но неспособных к разговору!
Мы были разных два лица,
Хотя имели по два глаза!
Мы жутко так, не до конца,
Переглянулись по два раза!

И я спешил — признаюсь вам —
С одной мыслью к домочадцам,
Что лучше разным существам
В местах тревожных не встречаться!..

* * *

Захлебнулось поле да болото
Дождевой водою — дождались!
Прозябаньем, бедностью, дремотой
Все объято — впадины и высь!
Ночь придет — родимая окрестность,
Словно в омут, канет в темноту!
Темнота, забытость, неизвестность
У ворот, как стража на посту!
По воде, качаясь, по болотам
Бор скрипучий движется, как флот, —
Что же мы, отставшие от флота,
Будем делать нынче меж болот?
Острова свои обогреваем,
И живем без лишнего добра,
Да всегда с огнем и урожаем,
С колыбельным пеньем до утра...
Не кричи так жалобно, кукушка,
Над водой, над стужею дорог!
Мать России целой — деревушка,
Вот такой же грустный уголок...
Вариант последней строчки:

Может быть, вот этот уголок...

Ну, так до свиданья, Николай Николаевич! Всего Вам наилучшего. Привет Вашей семье.

23/IX—64 г. С любовью Н. Рубцов

А. Я. ЯШИНУ

Никольское, 25 сентября 1964

Добрый день, Александр Яковлевич!

Письмо мое будет коротким. Просто хочу послать Вам привет и, как говорится, весточку.

Пишу все из того же села Никольского, откуда написал Вам предыдущее письмо. Вы его получили? Не выезжаю в Москву в институт потому, что перехожу на заочное. А еще потому нахожусь именно здесь, что здесь мне легче дышится, легче пишется, легче ходится по земле. Много раз ходил на болото. Километров за шесть отсюда есть огромное, на десятки километров во все стороны, унылое, но ягодное болото. Собирал клюкву. Ходил туда до тех пор, пока не увидел там змею, которая на меня ужасно прошипела. Я понял это, как предупреждение. Мол, довольно! И больше за клюквой не пойду. Да и птицы в последний раз на болоте кружились надо мной какие-то зловещие, большие, кружились очень низко над моей одинокой головой и что-то кричали.

Вообще, я еще должен заехать в Москву, в этот институт — улей, который теперь тише, наверное, шумит, т. к. поразлетелись из него многие старые пчелы, а новые не прибывают. Далеко не все нравится, и не все, в литинститутском быту, но очень хочется посмотреть на некоторых хороших наших поэтов, послушать их. Остались ли они еще там? Если не остались, то лучше бы снова одиноко ходить мне на наше унылое болото.

Удивительно хорошо в деревне! В любую погоду. Самая ненастная погода никогда не портит мне здесь

настроение. Наоборот, она мне особенно нравится, я слушаю ее, как могучую печальную музыку... Конечно, не любая сельская местность может быть по душе.

Поеду отсюда числа 27 сего месяца. Как раз будет лотерейный розыгрыш, я выиграю «Москвич», вот в нем и поеду. Между прочим, за это лето научился я играть в лотерею: два раза подряд выиграл по рублю. А то ли еще будет!

До свидания, Александр Яковлевич! От всей души желаю Вам отличного здоровья, всего наилучшего. Вам и Вашей семье. Передайте, пожалуйста, привет Злате Константиновне.

С искренней любовью и приветом Н. Рубцов 25.9.64 с. Никольское. Дождь.

Р. С. Да, посылаю Вам почитать кое-что из последних своих стихов. Хотелось бы каким-то образом узнать о них Ваше мнение.

Посылаю Вам вырезку из районной газеты «Ленинское знамя» за 24 сентября с. г. (Тотемский р-н, Вол. обл.) Там немного написано о Вашей повести «Сирота».

С. П. БАГРОВУ

Никольское, осень 1964

Здравствуй, Сережа!

Видел литстраницу в «Ленинском знамени»— твой рассказ и свои стихи. Твой рассказ мне понравился. За свои стихи благодарен тебе и редакции.

Снимки тоже получил. И тоже большое тебе спасибо. Но тут у меня к тебе вот какое дело: не смог бы ты отпечатать еще и послать снимки, где сидят на колодце Ленька Богданов, Лев Николаевич и я с ними? Это ты зафотографировал у нас во дворе. Этот снимок, конечно, нужен не мне, а Льву Ник. и Леньке, так что послать его можно и не спешно, хоть когда, когда меня и в Николе не будет.

В Николе я решил прожить вплоть до сентября, т. к. в лесу поспело много брусники. Да и рыжики, должно быть, скоро пойдут.

По-прежнему пишу иногда стихи. Написал после тебя еще 6 стихотворений. Несколько из них посылаю тебе, просто так, почитать.

Ну, будь здоров, Сережа!

Да, я так и не сумел послушать твое выступление по радио. Получил твое письмо уже после выступления и поэтому ничего не знал о нем. А сплю я обычно часов до девяти, так что случайно услышать тебя в эфире тоже не смог: ты ведь говорил по радио часов в 7?

Всего тебе наилучшего!

Салют городу Тотьме, реке Сухоне, всем ее островам и заливам!

Крепко жму руку.

С приветом Н. Рубцов

С. П. БАГРОВУ

Никольское, 30 октября 1964

Дорогой Сережа!
Добрый день!

Я уже три дня в Николе. Один день был на Устье в дороге. Пришлось топтать пешком... Не знаю, как бы я тащился по такой грязи, столько километров... с чемоданом! Хорошо, что ты любезно оставил его у себя.

Что новенького в твоей жизни? В личной и общественной? Продолжаешь ли работать над повестью?

Вчера я отправил Каленистову заметки о той учительнице и стихотворение. Стихотворение писать было тяжелей, ей-богу! Ты сам знаешь, почему это. Можно было бы подумать еще и над прозой, и над стихами, если б я точно знал, что еще будут ходить пароходы. Ведь если они на днях перестанут ходить, этот мой материалчик мог бы сильно задержаться, и тогда я был бы виноват перед Каленистовым.

Сережа, я здесь оказался совсем в «трубе». На Устье у меня потерялись или изъялись кем-то последние гроши. Сильно неудобно поэтому перед людьми в этой избе, тем более, что скоро праздник. Может быть, поскольку я уже подготовил материал, Каленистов может послать мне десятку (только мне ничего и не надо за эту командировку)? Непосредственно к нему с этим вопросом я решил не обращаться, т. к. плохо знаю его. А вообще надо бы обязательно хоть немного поддержать эту мою избушку.

Праздник я проведу здесь, а потом уеду куда-нибудь. Плохо, что здесь, в Николе, не найдешь никакой

литературной работенки — ни постоянной, ни временной, а без работы жить невозможно.

С искренним приветом Н. Рубцов

А. Я. ЯШИНУ

Никольское, 3 ноября 1964

Дорогой Александр Яковлевич!

Добрый день или вечер! Письмо Ваше я получил— очень благодарен за это письмо.

Пишу опять из села Никольского, где пропадал целое лето. Мне здесь крепко поднадоело, но есть, и правда, большое удовольствие, уединившись в тихой избе, читать прекрасные книжки Льва Толстого — я внял, как видите, Вашему совету и занимаюсь чтением. А еще есть удовольствие для меня в ожидании первых сильных заморозков, первых сильных метелей, когда особенно уютной и милой кажется бедная избушка и радостно на душе даже от одного сознания, что ты в эту непогодную грустную пору все-таки не бездомный.

Люблю первый лед на озерах и речках, люблю, когда в воздухе носится первая зимняя свежесть. Хорошо и жутко ступать по этому первому льду — он настолько прозрачен, что кажется, будто ступаешь прямо по воде, бездонно-темной.

Позвольте, Александр Яковлевич, от всей души поздравить Вас с праздником и пожелать Вам всех радостей в жизни, а главное— здоровья, здоровья. Позвольте и всей Вашей семье— Злате Константиновне, а также Злате Александровне, Наташе, Мише и Саше— пожелать тоже всего самого, самого хорошего.

Я не хотел бы больше беспокоить Вас, но думаю, можно все-таки сказать Вам, что в Ваших словах о моих летних стихах есть, конечно, правда, и мне, честное слово, было полезно узнать Ваше мнение. Для меня как

раз было главным не то, что Вы можете куда-либо рекомендовать стихи (говорю абсолютно честно), а главным было знать Ваше мнение о них. Бросаясь, как говорится, в какую-либо крайность в своих писаниях, всегда хочется знать, что же скажут о стихах люди, имеющие в этом деле настоящий толк.

Только я вот в чем убежден, Александр Яковлевич (разрешите мне поделиться своим, может быть, нелепым, убеждением): поэзия не от нас зависит, а мы зависим от нее. Не будь у человека старинных настроений, не будет у него в стихах и старинных слов, вернее, старинных поэтических форм. Главное, чтоб за любыми формами стояло подлинное настроение, переживание, которое, собственно, и создает, независимо от нас, форму. А значит, еще главное— богатство переживаний, настроений (что опять не от нас зависит), дабы не было бедности, застоя интонаций, форм...

Во всем остальном, во всех остальных деталях, я не имею никаких убеждений, во всем сомневаюсь.

Сомневаюсь также всегда в том, смогу ли я создать что-либо настоящее. Записать любыми стихотворными словами могу что угодно. Но найдет ли на меня, осенит ли меня что-либо общеинтересное? Это не от меня зависит, поэтому сомневаюсь.

Я тут сбивчиво всего наговорил и, может быть, ни к чему. Извините меня тогда, дорогой Александр Яковлевич. А Вам большое, большое спасибо за то письмо — и за внимание, и за доброе верное слово. Я долго, между прочим, думал над мимоходом Вами написанными словами. Все это, Вы, может, и сами не знаете, очень помогает. Еще раз желаю Вам здоровья и всего наилучшего.

С искренней любовью Н. Рубцов

В. И. БЕЛОВУ

Вологда

Телеграмма

Вологда, Ветошкина 103, квартира 32, Белову
Дорогой Белов Вася ничего не понимаю прошу
прощения По-прежнему преклоняюсь дружбой =
= Рубцов =

Вологда, проездом, Н. Рубцов

Л. А. КАЛЕНИСТОВУ 17

Никольское, 6 ноября 1964

Уважаемый Леонид Александрович!

Пароходы, как Вы знаете, уже перестали ходить. Так что сейчас не выбраться отсюда в Тотьму. Машины тоже еще долго не смогут перейти Сухону.

Поэтому я посылаю командировочное удостоверение по почте — заказным письмом.

Если будет скоро семинар агитаторов, я обязательно напишу о нем. Почта начнет сейчас тяжело работать, поэтому это письмо мое может задержаться. Вы извините.

Всего наилучшего!

6/XI—64 г. Н. Рубцов

P. S. Вы очень верно сделали, что, как Вы сказали, сократили стихи на 2 первые строфы. Они какие-то неказистые.

Спасибо Вам, Леонид Александрович, за командировку. Она мне была нужна.

Н. Р.

С. В. ВИКУЛОВУ 18

Никольское, ноябрь 1964

Дорогой Сергей Васильевич!

Пишу вам из села Никольского. Это в Тотемском районе. Решил провести здесь праздник и подзаняться чтением, пока нет его, праздника, читаю самого Льва Толстого. Между прочим, об этом — что читать надо — сказал мне А. Я. Яшин однажды. И этот много раз слышанный совет вдруг поразил меня. В самом деле: оказывается, удивительно хорошо и полезно, уединившись в какой-нибудь глухой избе, читать целыми днями прекрасные книжки. А еще я должен кое-какой материал (ну, заметки, статейки, стихи) подготовить для здешней районной газеты. Там я скромно заработаю на дорогу отсюда. Немного стихов, и не по просьбе тоже, наверное, напишу.

Недавно здесь выпал первый обильный снег (с дождем он уже давненько пролетал), это было так внезапно, так красиво— снег, и лежит повсюду— на крышах, на порогах, на дорожной грязи. На меня это подействовало, как в детстве. Но на другой день снег растаял, и за окном опять возникли во всей своей унылой красоте прежние осенние картины.

Сижу порой у своего почти игрушечного окошка и нехотя размышляю над тем, что мне предпринять в дальнейшем. Написал в «Вологодский комсомолец» письмо, в котором спросил, нет ли там для меня какой-нибудь (какой угодно) работы. Дело в том, что, если бы в районной газете и нашли для меня, как говорится, место, все равно мне отсюда не выбраться туда до половины декабря. Ведь пароходы перестанут ходить, а машины тоже не смогут пройти по Сухоне, пока тонок

лед. Так что остается одна дорога — в Вологду, — с другой стороны села, сначала пешком, потом разными поездами.

...Я хочу поблагодарить вас за поддержку и еще от всей души пожелать вам весело проводить праздник, с которым я вас поздравляю, и пожелать в остальном, пользуясь случаем, всего наилучшего. Еще надо А. Я. Яшину написать — поздравить и пожелать ему здоровья. Не знаю только, найду ли сегодня еще листок бумаги для письма...

С искренним приветом Н. Рубцов

С. П. БАГРОВУ

Никольское, осень 1964

Добрый день, дорогой Сережа!

Как ты живешь? Что нового в твоей жизни? Вопрос, конечно, банальный, и сам я, когда мне задают такой вопрос, обычно теряюсь и не знаю, что сказать. Но все-таки я искренне желаю узнать что-нибудь о тебе, о твоей жизни, т. к. давненько уже не видел тебя и не слышал.

Я живу же по-прежнему, среди зимней, рано темнеющей, теперь скучной никольской природы. Нехотя пишу прозу, иногда стихи.

Жаль, что Гета 19 (из Николы) без твоего ведома взяла у тебя дома мой чемодан. Она бы этого не сделала, если бы не спешила на грузовик, в котором отправлялась из Тотмы. Между прочим, я просил ее, чтоб она только подстрочники стихов Хазби взяла из чемодана, но она без тебя все равно ничего бы не нашла, поэтому унесла их вместе с чемоданом.

Что буду делать дальше, я еще не знаю. Хочу все-таки до того, как поеду отсюда, что-нибудь закончить, хотя бы несколько глав повести, которую я задумал. А еще пришла в голову дурацкая мысль записать кое-какие свои соображения о поэзии в литературной форме и дать им заголовок «Письмо другу». Вот так, Сережа. Напиши когда-нибудь несколько слов мне. Крепко жму руку.

С приветом Коля

С.Ю.КУНЯЕВУ

Никольское, 18 ноября 1964

Дорогой Стасик!

Добрый день или вечер! Я опять пропадаю в своем унылом далеке, в селении Никольском, где я пропадал целое лето. Это, как я тебе уже говорил, один из самых захолустных уголков Вологодской стороны, — в прелестях этого уголка я уже разочаровался, т. к. нахожу здесь не уединение и покой, а одиночество и такое ощущение, будто мне все время кто-то мешает и я кому-то мешаю, будто я перед кем-то виноват и передо мной тоже. Все это я легко мог бы объяснить с психологической стороны не хуже Толстого (а что! в отдельных случаях этого дела многие, наверно, могут достигнуть Льва Толстого: и мелкие речки имеют глубокие места. Хотя в объеме достигнуть его. Толстого, глубины — почти невысказанное дело), повторяю, мог бы и объяснил бы, если бы я не знал, кому пишу это письмо.

Мое здесь прозябание скрашивают кое-какие случайные радости, на которые я не только способен, но еще и люблю их, и иногда чувство самой случайной радости вырастает до чувства самой полной успокоенности. Ну, например, в полутемной комнате топлю в холодный вечер маленькую печку, сижу возле нее — и очень доволен этим, и все забываю. Я проклиная этот божий уголок за то, что нигде здесь не подработаешь, но проклиная молча, чтоб не слышали здешние люди и ничего обо мне своими мозгами не думали. Откуда им знать, что после нескольких (любых

удачных и неудачных) написанных мною стихов мне необходима разрядка— выпить и побалагурить?

Вспоминаю иногда последний вечер в ЦДЛ. Ты, Стасик, вел себя прекрасно. Я не очень. Но иначе повести себя не мог и переживал, конечно, это.

Ты знаешь, что я всячески старался избежать шума, как страшно и неудобно мне перед некоторыми хорошими людьми за мои прежние скандальные истории. Хорошо, я думаю, что я «завелся» тогда не до конца, а сдержался, надеясь на молниеносный нокаут Игоря, на который, говорят, он способен. Пусть не было нокаута, но если бы я тогда ввязался сам, все — я уверен — закончилось бы милицией и шумом... Между прочим, Стасик, я написал тебе еще к празднику, но оно осталось неотправленным — и слава богу! В нем нет ни слова в связи с этой глупой историей, а мне хотелось бы кое-что узнать у тебя: что было потом в институте? Я тут же тогда уехал и не знаю, исключили меня опять из института или, может быть, нет.

Стасик, что у тебя нового? Между прочим, это такой вопрос, от которого я нередко теряюсь и не знаю, что сказать. Знаю, что не только я один. Но каждый раз, если речь заходит о настоящих людях, мне любопытно узнать, как они там где-то проживают, всегда хочется пожелать им всего хорошего, — вот поэтому и вопрос о них, или им, или ему (сейчас тебе) — что нового?

Тебя, наверное, уже утомило это болтливое письмо? Еще одно последнее сказанье... Хотелось бы мне узнать, решена ли судьба (пусть частично) тех моих стихов. Мне надо знать об этом, потому что пока не знаю и не могу распоряжаться ими, стихами, как хочу. Да и кое-какие из них я, кажется, немного улучшил, а некоторые вообще зачеркнул (в голове своей), а это тоже имеет значение, если стихи все-таки пройдут... Вот у меня пока все.

Передай, пожалуйста, привет и самые добрые пожелания Гале, Гале Корниловой, Толе, Игорю, а также, если встретишь их, Володе Соколову, Юзику, Вадиму Кожинову.

До свиданья! С приветом и любовью. Н. Рубцов.

Слякоть, осенний ледоход, снег, дождь. Надеюсь, что напишешь мне.

С.Ю.КУНЯЕВУ

Никольское, декабрь 1964

Добрый день, Стасик!

Письмо твое получил, повеселился над твоими веселыми стихами и вот написал на них ответ. Желаю тебе здоровья и всех радостей. С приветом Коля.

Ответ Куняеву (некоторые соображения на тему «Если жизнь начать сначала»).

Если жизнь начать сначала,
Все равно напьюсь бухой
И отправлюсь от причала
Вологодчины лихой.
Знайτε наших разгильдяев!
Ваших, так сказать, коллег!
— Где, — спрошу я, — человек
По фамилии Куняев?
И тотчас ответят хором:
— Он в Москве! Туда катись!
И внушат, пугая взором:
— Там нельзя греметь запором
И шуметь по коридорам:
Он описывает жизнь!
И еще меня с укором
Оглядят: — Опасный вид!
Мол, начнет греметь запором
Да шуметь по коридорам,
То-то будет срам и стыд!
Гнев во мне заговорит!
И, нагнувшись над забором,
Сам покрою их позором,

Перед тем спросив с задором:
— Кто тут матом не покрыт? —
Кроя наших краснобаев,
Всю их веру и родню,
— Нужен мне, — скажу, — Куняев,
Вас не нужно — не ценю!
Он меня приветит взглядом
И с вопросом на лице
В цэдээловском дворце
Помолчим... с буфетом рядом!

С. В. ВИКУЛОВУ

Никольское, ноябрь — декабрь 1964

Сергей Васильевич!

Когда вы предложили мне дать стихи для «Красного Севера», тогда я еще не подумал, что сделаю это, т. к. был доволен уже тем, что получу командировку, и чувство успокоенности (и благодарности; но об этом я уже говорил вам) было достаточно полным, чтобы не пополнять его. А сейчас, когда подошло время, я подумал о том, что жизнь все-таки не стоит на месте, и почему бы мне, если вы тогда не пошутили, не послать вам стихи? Я посылаю вам кое-какие стихи, но, конечно, не прошу напечатать их, т. к. это зависит от вашего о них мнения, и буду вполне готов к тому, если они не будут напечатаны.

Среди этих стихов есть одно чисто философское— «Душа» 20. Говорю о нем отдельно потому, что оно смущает меня своей холодноватостью, но и все же я не прочь напечатать его...

Все последние дни занимаюсь тем, что пишу повесть 21 (впервые взялся за прозу), а также стихи, вернее, не пишу, а складываю в голове. Вообще я никогда не использую ручку и чернила и не имею их. Даже не все чистовики отпечатываю на машинке— так что умру, наверное, с целым сборником, да и большим, стихов, «напечатанных» или «записанных» только в моей беспорядочной голове. Но это между прочим. Пустяки.

Извините, что посылаю вторые экземпляры стихов: первых не осталось, а сейчас мне машинку дали только на несколько минут.

Всего вам доброго.

С приветом и любовью Н. Рубцов

С. П. БАГРОВУ

Никольское, декабрь 1964

Добрый день, Сережа!

Вчера, сразу же после нашего разговора по телефону, взялся за новогоднее стихотворение и написал его. По-моему, получилось неплохо, потому посылаю его тебе.

Вместе с этим стихом посылаю еще несколько с другими темами. Одно из них философское — «Душа». Может быть, и эти стихи когда-нибудь после праздников вы сможете напечатать. Они по своему настроению и мыслям тоже печатные.

Жизнь моя идет без всяких изменений, и, кажется, остановилась даже, а не идет никуда. Получил письмо от брата из Ленинграда. Он зовет меня в гости, но я все никак не могу сдвинуться с места ни в какую сторону. Выйду иногда на улицу — увижу снег, безлюдье, мороз, и ко всему опять становлюсь безразличным и не знаю, что мне делать, да и не задумываюсь над этим, хотя надо бы задуматься, т. к. совсем разонравилось мне в старой этой избе, да и время от времени рассчитывать ведь надо за скучную жизнь в ней. Было бы куда легче, если б нашлись здесь близкие мне люди. Но их нет, хотя ко всем я отношусь хорошо. Впрочем, хорошее отношение здесь тоже понимает каждый по-своему и все отлично от меня.

Хорошо то, что пишется. Но ужасно то, что так тяжело печатать стихи: слишком много тратится на это время.

У меня пока все. Может быть, ты посоветуешь мне сделать что-нибудь интересное в жизни?

Поздравляю с чудесным праздником — елкой,
желаю тебе весело встретить и проводить ее.

С приветом Н. Рубцов

Г.Я.ГОРБОВСКОМУ

Никольское, зима 1964

Дорогой, дорогой Глеб!

Сижу сейчас, закутавшись в пальто и спрятав ноги в огромные рваные старые валенки, в одной из самых старых и самых почерневших избышек селения Никольского— это лесистый и холмистый, кажущийся иногда совершенно пустынным, погруженный сейчас в ранние зимние сумерки уголок необъятной, прежде зажиточной и удалой Вологодской Руси. Сегодня особенно громко и непрерывно воют над крышей провода, ветер дует прямо в окна, и поэтому в избе холодно и немного неуютно, но сейчас тут затопят печку, и опять станет тепло и хорошо.

Я уже пропадаю здесь целый месяц. Особенного желанья коротать здесь зиму у меня нет, т. к. мне и окружающим меня людям поневоле приходится вмешиваться в жизнь друг друга и мешать друг другу, иначе говоря, нет и здесь у меня уединения и покоя, и почти исчезли и здесь классические русские люди, смотреть на которых и слушать которых— одни радость и успокоение. Особенно раздражает меня самое грустное на свете — сочетание старинного невежества с современной безбожностью, давно уже распространившиеся здесь.

Но вот что: в институте меня в течение года три раза исключали за неумеренную, так сказать, жизнь и три раза восстанавливали (за что я благодарен, конечно, не администрации, а некоторым хорошим людям, в том числе и нашим хорошим (есть там разные) — институтским ребятам). И после этой, можно

сказать, «сумасшедшей мути», после этой напряженной жизни, ей-богу, хорошо некоторое время побыть мне здесь, в этой скромной обстановке и среди этих хороших и плохих, но скромных, ни в чем не виноватых и не замешанных пока ни в чем людей.

В Вологде ко мне отнеслись хорошо. Читал я там, когда приехал, стихи на собрании писателей, и, можно точно сказать, стихи на них подействовали. Вообще, в Вологде мне всегда бывает и хорошо, и ужасно грустно и тревожно. Хорошо оттого, что связан с ней я своим детством, грустно и тревожно, что и отец, и мать умерли у меня в Вологде. Так что Вологда— земля для меня священная, и на ней с особенной силой чувствую я себя и живым, и смертным.

(письмо не окончено)

В ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИНСТИТУТ

Никольское, декабрь 1964

Уважаемые товарищи!

После того как я уехал из Москвы, из института, где я был (в октябре) по делу своего восстановления на заочном отделении, — я уже больше не работал зав. клубом в с. Никольском, т. к. за длительное отсутствие «потерял» эту должность.

С ноября работаю в здешней районной газете. Об этом и посылаю Вам справку.

Так что мой адрес прежний:

Вологодская обл., Тотемский р-н, с. Никольское.

С С уважением, Николай Рубцов

P. S. Неужели до сих пор не оформлен приказ о моем восстановлении? Ведь я тогда уехал, договорившись по этому поводу с ректором и с кафедрой творчества

Н. Н. СИДОРЕНКО

Никольское, 19 декабря 1964

Дорогой Николай Николаевич!

Добрый день или вечер!

Я опять в Николе. Время сейчас в природе такое, что поневоле — любитель ты или не любитель — приходится наблюдать и переживать борьбу зимы и осени. Уже ясно видится, что зима победит, осень уже почти на обеих лопатках, и многим болельщикам от этого весело и радостно, в том числе и мне. Хотя я люблю зиму только в этот момент борьбы, когда она полна свежести и новизны, и знаю, что она мне скоро наскучит потом.

Живу сейчас в другой избе за скромную плату (и буду жить недолго здесь), но здешний адрес у меня прежний, т. к. дома в этом селении не нумеруются.

Написал несколько стихотворений. Взаясь писать прозу — повесть — кажется, у меня это может получиться, но пока не хватает усидчивости, детальной ясности образа да и условий для этого писания (имею в виду самые скромные условия). Хочу прозой написать историю одного человека, не похожего, на современных литературных героев, — чтоб в нем была жизненная, а не литературная тоска, сила, мысль, разумеется, не физическая, а духовная. Но это пока хочу, а не написал, одна только глава готова, так что «похвастаться» или поогорчаться нечем здесь.

Никаких заданий из института мне сюда не послали, и я не знаю, чем это объяснить.

Что нового, Николай Николаевич, у Вас в семинаре и в институте?

Много ли стихов написано натурально, т. е. как на душе, жизненно, а не сочинено, хотя бы и по всем правилам техники?

И еще я хочу узнать вот что: будут ли все-таки мои стихи напечатаны в «Огоньке»? Если будут, то примерно когда и какие? Я перед отъездом заходил в «Огонек», но не застал там Алексеева.

Вот у меня пока все. До свидания. От всей души желаю Вам здоровья и всех радостей в жизни, а также и всей Вашей семье. Передайте, пожалуйста, привет Анне Георгиевне и Тане.

Вологодская обл., Тотемский р-н, с. Никольское

19/XI-64 г. Н. Рубцов

Р. С. Писал это письмо раньше, да вот только сейчас отправляю.

Е. А. ИСАЕВУ

Никольское, конец 1964

Уважаемый тов. Исаев!

В конце весны я принес и сдал в Ваше издательство рукопись книжки своих стихов под названием «Звезда полей».

Сейчас, когда прошло довольно много времени, мне хотелось бы узнать у Вас, что же Вы намерены сделать с этой рукописью, что Вы решили насчет ее.

Поэтому, извиняясь, что беспокою, прошу сообщить мне об этом по такому адресу: Вологодская обл., Тотемский район, село Никольское.

Что касается меня, то я не забыл еще о тех стихах и за это время внес в них кое-какие изменения, по содержанию кое-где, но больше — по форме. С искренним уважением

Николай Рубцов

НАЧИНАЮЩЕМУ АВТОРУ

январь 1965 г. (?)

Уважаемый Иван Игнатьевич! Добрый день!

Тема Вашего стихотворения — полет в космос — была уже использована во множестве стихотворений разных авторов, т. е. эта тема, как говорится, общая и старая.

Смысл стихотворения — прославление героев-космонавтов — также был выражен во множестве стихотворений такого же рода.

Слова, которые Вы употребляете в стихотворении для прославления этих героев, также были уже употреблены все в том же множестве стихов на эту тему.

Вашего оригинального настроения в стихотворении — нет.

Вашего оригинального мировоззрения в стихотворении тоже нет.

Вот по всему по этому Ваше стихотворение не произвело на меня впечатления. А жаль. Жаль потому, что человеку, любящему стихи, любому такому человеку всегда бывает радостно, когда он находит в стихах поэзию, т. е. свежую тему, свежий смысл, свежее настроение, мировоззрение, мысли, свежие оригинальные слова. И всегда приходится огорчаться, когда всего этого нет в стихах.

Уважаемый Иван Игнатьевич! Я искренне написал здесь о главных недостатках Вашего стихотворения, ничуть не желая убедить Вас в верности моего мнения о нем, о Вашем стихотворении. Вполне, вполне возможно, что я ошибаюсь, когда думаю о нем так, и

вполне возможно, что это Ваше стихотворение другим читателям понравится. И я от всей души желаю Вам этого. Еще немного.

Когда я говорю Вам, что тема Вашего стихотворения старая и общая, это еще не значит, что я вообще против старых тем. Тема любви, смерти, радости, страдания — тоже темы старые и очень старые, но я абсолютно за них и более всего за них!

Потому я полностью за них, что это темы не просто старые (вернее, ранние), а это темы вечные, неумирающие. Все темы души — это вечные темы, и они никогда не стареют, они вечно свежи и общеинтересны. В Вашем же стихотворении, как я уже говорил, нет оригинального настроения, т. е. нет темы души. Вы, очевидно, думаете, что достаточно взять какую-нибудь тему современного прогресса, особенно популярную, и уже получится поэтическое стихотворение. Но это не так. Хорошо, когда поэт способен откликаться на повседневные значительные события жизни, общества. Но надо сначала своими стихами убедить людей в том, что Вы поэт, чтобы к Вашим словам относились с вниманием и интересом, а потом уже откликаться на эти значительные события.

Так что главное для Вас, я думаю, попробовать сначала свои силы в умении выражать свои душевные переживания настроения, размышления, пусть скромные, но подлинные. Поэзия идет от сердца, от души, только от них, а не от ума (умных людей много, а вот поэтов очень мало!). Душа, сердце — вот что должно выбирать темы для стихов, а не голова.

Коротко о подробностях стихотворения. Вот Ваши эпитеты: «Небо голубое», «сильная грудь», «могучие крылья», «улыбка светлая и веселая», «знамена алые», «седая голова», «золотая звезда», «почтительное молчание», «великий подвиг». Неужели Вы не заметили, что все это очень, очень общие, распространенные,

примелькавшиеся эпитеты, потерявшие свою выразительность.

А разве это не поверхностные выразительные средства, которые сразу же любому в таких случаях приходят в голову: «космический корабль несется быстрее птицы. Москва приветствует, были все потрясены» и т. д.

Кое-где у вас совершенно отсутствуют рифмы, т. е. созвучия на конце строк. Например:

В сиянии неба голубого,
В блеске солнечных лучей
Корабль «Восход» быстрее птицы
Плавно несся над землей.

«Голубого — птицы», «лучи — земля» — разве это рифмы? Можно, конечно, писать стихи и без рифмы, но почему же тогда в других местах стихотворения они у Вас есть?

Где есть, где нет, и каждый раз бездумно — это не годится.

Вы пишете «быстрее птицы плавно несся...». Эту плавность при полете быстрее птицы невозможно представить. Да неужели ракета летит только быстрее птицы.

Вот так коротко о Вашем стихотворении, Иван Игнатьевич. Не могу судить вообще о Ваших стихах, т. к. Вы послали мне только одно.

А Вы ни разу не бывали в редакции местной газеты? Там есть люди, которые могли бы с Вами поговорить о стихах или с которыми Вы могли бы поговорить.

Еще раз повторяю, что не берусь судить о Ваших стихах вообще и что, возможно, я ошибаюсь в своем мнении о Вашем стихотворении.

От всей души желаю Вам всего самого доброго!

С искренним уважением. Николай Рубцов.

Такие недостатки, которые есть, на мой взгляд, в Вашем стихотворении, сейчас довольно широко распространены в стихах и множества других авторов. Причем частенько такие стихи все же печатают, и если Вы встречаете такого рода стихи в печати, то не думайте, пожалуйста, что так и надо писать. Всем надо нам учиться писать так, как писали настоящие, самые настоящие поэты — Пушкин, Тютчев, Блок, Есенин, Лермонтов. Законы поэзии одни для всех.

Н. Рубцов

Н. Н. СИДОРЕНКО

Никольское, 17 февраля 1965

Добрый день, Николай Николаевич!

Какие у Вас есть приметные новости, и у Вас лично и на семинаре? Рад был бы получить от Вас опять весточку.

Так довольно долго ничего не писал Вам потому, что о себе писать нечего. Но вспоминаю Вас по-прежнему часто и всегда с самым добрым чувством. И Вас, и Вашу семью, и Ваш семинар. Нередко встречаю Ваши стихи в печати и радуюсь этому.

Из института мне приходят какие-то странные письма. Например, снова просили справку с места работы, чтоб оформить приказ о моем восстановлении, т. е. значит, что мое положение в институте по-прежнему было очень зыбкое, о чем я не знал. Справку послал. Потом пришла рецензия на курсовую работу В. Рубцова. Пришла почему-то на мое имя эта заблудившаяся рецензия. Потом прислали обзор совр. литературы в помощь студентам. А вот никаких заданий я до сих пор не получил.

Еще послали мне личную карточку студента и просили ее заполнить. Ее послали недавно, и я, кажется, могу теперь считать, что уже оформлен, наконец, приказ о моем восстановлении. Но столько в остальных письмах было непонятого для меня, что и это письмо для меня остается не совсем понятным. Не подумайте, что я прошу Вас обо всем этом поговорить в институте. Я сам сегодня им напишу обо всем. Вот такие у меня студенческие дела.

В «Огоньке» тоже ничего пока нет и нет. Может быть, Вы, Николай Николаевич, позвоните еще раз М. Алексееву. В конце концов может случиться такое, что М. Алексеев оставит по каким-либо причинам эту свою должность, — и с кем тогда нам иметь дело? Надо будет начинать тогда все сначала. Между прочим, какая-нибудь скорая публикация для меня сейчас была бы очень, очень кстати.

Живу по-прежнему. Только по временам все сильнее и сильнее чувствую какую-то беспросветность в будущем. Порой кажется, что я уже испытал и все радости, и все печали. Все сильнее и сильнее люблю Л. Толстого, Тютчева, Пушкина, Есенина.

До свиданья, Николай Николаевич. С прежним полным уважением и любовью

Н. Рубцов

Поклон Вашей семье.

Р. С. Да, мне написали, что я должен послать свои стихи на кафедру творчества, а после этого пришло письмо, что нужна справка для восстановления. Получилось так, что я еще не студент, а стихи послать должен. Поэтому я их еще не посылал.

Р. С.

Дорогой Николай Николаевич!

Может быть, от меня самого требуется какое-либо письмо в «Огонек»? Я ведь там не имел ни с кем совершенно никакого разговора. Заходил однажды в редакцию, собирался поговорить с М. Алексеевым, но его тогда не оказалось там. Так я ни с чем и уехал.

Так вы напомните, пожалуйста, Николай Николаевич, М. Алексееву о моих стихах. Времени, по-моему, прошло уже вполне достаточно, — можно уже, кажется, им и принять какое-то решение.

Еще раз от души — всего Вам наилучшего!

Снегопад, глушь, ни одной мысли в голове.
Н. Рубцов

Простите, приходится продолжать. Мне кажется, что Вы отнесли тогда в «Огонек» в числе других стихов и стихотворение «Родная деревня». На тот случай, если его примут к публикации, я посылаю его новый, последний вариант.

РОДНАЯ ДЕРЕВНЯ

Хотя проклиная проезжий
Дороги моих побережий,
Люблю я деревню Николу,
Где кончил начальную школу!
Бывает, что пылкий мальчишка
За гостем проезжим по следу
Все ходит и думает: «Крышка!
Я тоже отсюда уеду!»

Среди удивленных девчонок
Храбрится, едва из пеленок:
— Ну, что по провинции шляться?
В столицу пора отправляться!
Когда ж повзрослеет в столице,
Посмотрит на жизнь за границей, -
Тогда он оценит Николу,
Где кончил начальную школу!

Н. Рубцов

Б.А.ЧУЛКОВУ

Москва, 1965

Здравствуй, милый и дорогой Боря!

Давно уже я собирался написать тебе, но ты знаешь, как это трудно бывает сделать. Разные есть тут причины, и все ты знаешь. Одна из них та, что я не люблю уже, да и не могу писать товарищу просто о своих чувствах к нему, о настроениях и т. п. И ты этого, мне кажется, тоже уже не любишь.

Вспоминаю о тебе всегда, как о прекрасном человеке и поэте.

Привет твой А.Я. я передал.

Твои стихи особенно нравятся Злате Константиновне (его жене) и его дочери Злате. Например, такие стихи:

«...нравится это? Нравится...».

Ну, вот и все. Не письмо это, конечно. Просто весточка.

Сердечный привет Гале.

А также Герману Александрову.

Твой Н. Рубцов

ИЗ ПИСЬМА В АРХАНГЕЛЬСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

По договору Вы предоставили мне для печати 1 п. л. Этот печатный лист, равный 700 строкам, я как раз и использовал. Какое имеет значение, разбиваю я строки или нет (это чисто художественное средство), но книжку все-таки я составил из 700 строк, как мы договорились. И за все эти строки по договору Вы обязаны мне уплатить.

Ваша ссылка на снисходительное отношение ко мне как к автору (разрешили якобы разбивку строк) безосновательна. Снисхождения с вашей стороны никакого не было. Иначе вы не убрали бы из рукописи 75 стихотворений. Это Вы сделали абсолютно произвольно. Это. А что же тогда можно сказать о разбивке строк?

Вы легко могли убрать эту разбивку, если бы нашли это нужным. Все 75 стихотворений, исключенные Вами из рукописи «Лирика», сейчас одобрены издательством «Советский писатель» и выйдут скоро книжкой «Звезда полей». Почти все эти стихи. Так что, повторяю, выбросили Вы их абсолютно произвольно. Это говорит лучше всего о Вашем отношении к автору.

Н. Рубцов

Е. А. ИСАЕВУ

Москва, 2 апреля 1965

Заведующему редакцией русской советской поэзии
изд-ва «Советский писатель» тов. Исаеву Е. А.
Заявление

Ознакомившись с редакционным заключением на рукопись моего сборника «Звезда полей», я согласился с теми замечаниями, которые в этом заключении есть.

Именно: некоторое однообразие пейзажей в стихах, некоторые лишние темы, чрезмерная разбивка строк, отсутствие глубокой мысли в кое-каких стихах.

Обязательно буду работать в дальнейшем над рукописью так, чтоб сборник не имел этих недостатков, чтобы он стал как можно лучше. Рукопись в доработанном виде представляю в редакцию в начале будущего года.

Т. к. сейчас у меня затруднительное материальное положение, я прошу Вас заключить со мной договор.

2/VI—65 г.
Н. Рубцов

РЕКТОРУ ЛИТЕРАТУРНОГО ИНСТИТУТА В. Ф. ПИМЕНОВУ

Москва, 27 апреля 1965

Ректору Литературного института им. Горького
тов. Пименову В. Ф.

от студента-заочника 3 к. Рубцова Н.

Уважаемый Владимир Федорович!

Я пишу Вам в связи с ходатайством Вологодского
отделения Союза писателей, а также в связи с письмом
в институт от начальника отделения милиции.

В первую очередь — о письме из милиции. Если
говорить подробно, все произошло так:

Однажды вечером я приехал в общежитие
института. На вахте меня не пропустили. Они имели на
это право, но мне, как говорится, от этого не было
легче. Я решил поехать на ночлег к товарищу и с этой
целью подошел к такси. Водительница такси
потребовала деньги за проезд заплатить вперед. Я
отдал ей три рубля, т. к. более мелких денег у меня не
оказалось (еще при себе у меня осталось столько же,
т. е. 3 р. Это имеет значение). И мы поехали. Когда,
выходя из машины, я попросил сдачу, водительница
отказалась вернуть ее. Она с нескрываемым
нахальством стала утверждать, что никаких денег у
меня не брала. Тут стоит помянуть Есенина: такую лапу
не видал я сроду! А если помянуть Гоголя, это черт
знает, что такое! И тогда я нарушил свое правило
последнего времени: не гневаться и тем более не
разжигать в себе гнев. Я потребовал продолжать
поездку до ближайшего милиционера. Я это сделал с
целью «проучить» ее. Теперь я понимаю, что поступил
тогда удивительно глупо. В деревне, наверное,

поглупел. Ни в коем случае нельзя было рассчитывать, что она покается в милиции, а нельзя забывать, что ее отвратительный поступок с моей стороны недоказуем. В милиции меня и слушать не стали, т. к. в общем-то, их интересует не столько истина, сколько официально-внешняя сторона дела. Мне велели заплатить этой женщине 64 коп. по счетчику. Я сделал это, чтобы избежать осложнений. Потом меня увели куда-то спать. Слава богу, хоть за это я им благодарен! В отделении милиции я вел себя достойно, вернее, покорно. Только этой женщине резко казал: «Как вам не стыдно!» Начальник отделения, очевидно, эти слова имеет в виду, когда привычно формулирует: вел себя недостойно...

С тех пор меня перевели на заочное отделение... меня преследует неустроенность в работе, учете и в быту. Конечно, что есть проще того, чтобы устроиться на работу где-либо, прописаться и в этих нормальных условиях заниматься заочной учебой? Но дело в том, что мне, как всякому студенту нашего института, необходимы еще творческие условия. Эти условия я всегда нахожу в одном деревенском местечке далеко в Вологодской области. Так, например, прошлое лето я написал там больше пятидесяти лирических стихотворений, многие из которых сейчас приняты к публикации в Москве и других городах. Когда я ушел на заочное, я сразу же опять отправился туда, в классическое русское селение, — и с творческой стороны опять у меня все было хорошо. Но зато в документах возник беспорядок: у меня нет в паспорте штампа о работе, т. к. я сотрудничаю в тамошней газете штатным (штатных мест не было), у меня нет прописки в паспорте, т. к. в той местности временным жителям выдают только справки о том, что они с такого-то по такое время проживали именно там. У меня тоже есть такая справка, но для Москвы она, эта

справка, — филькина грамота. Именно из-за этого беспорядка в документах меня оставили тогда ночевать в милиции и написали оттуда такое резкое письмо в институт. Т. е. помимо сути акта о нарушении в их руках оказалась еще эта суть. Бесполезно было там все это объяснять...

В заключение хочу сказать, что я ничего не прошу, не прошу даже о восстановлении... Просто, как Ваш студент, я посчитал своим долгом объяснить то неприятное происшествие, которое, в конечном счете, явилось результатом моего, так сказать, заочного образа жизни.

27.4.65 г. Николай Рубцов

В. К. СЕМАКИНУ 22

Москва, 1965

Дорогой Владимир Кузьмич. Оставляю несколько стихов взамен «выброшенных». Что касается тех двух стихотворений под вопросом, я за то, чтобы убрать одно из них, но не оба.

Стихи, которые оставляю, не успел отпечатать. Извините. Очень прошу. Улетает мой лучший друг. Я его провожаю.

Н. Рубцов

А. А. РОМАНОВУ

Никольское, осень 1965

Дорогой Саша!

Несказанно был рад твоей весточке.

Одно меня озадачило: о какой рукописи ты говоришь? Рукопись моей книжки лежит в Архангельском издательстве. Она пришла оттуда на Вологодское отделение, что ли? Или ты имеешь в виду рукопись стихов, которые я послал С. В. Викулову? Если эту рукопись, то тогда о какой рецензии ты пишешь мне? Эти стихи я послал С. В. с той целью, чтобы он смог отобрать стихи из них для подборки в «Кр. Север», о которой у нас был разговор с ним до этого.

А тебя, Саша, от всей души поздравляю и желаю тебе на этой новой должности всего самого доброго 23.

Стихов пишу, да, много. Не знаю даже, что делать с ними. Мне самому они абсолютно не нужны, когда уже закончены, а и никому, видно, не нужны, раз их не печатают (бывают, конечно, исключительные случаи). Хорошо бы, Саша, было, если бы из «Кр. Севера» в счет стихов, которые будут напечатаны, как-нибудь, каким-нибудь образом послали мне немного денег до Нового года.

Ты не мог ли чуть-чуть похлопотать об этом?

Мне тут, в этой глуши, страшно туго: работы для меня нет, местные власти начинают подозрительно смотреть на мое длительное пребывание здесь. Так что я не всегда могу держаться здесь гордо, как горный орел на горной вершине. «Кр. Север» напечатает только один стих, ради снисхождения? Наверное, так и будет. Только мне вся эта мелкая возня вокруг какого-нибудь

дурацкого одного стишка надоела и не нужна. Всегда столько разговоров, работы на машинке, всякого беспокойства, усилий — и ради чего? Ради того, чтобы увидеть, что вот все-таки напечатали? Есть в газете 8—10 строк! Правда, Саша, все это как-то ненормально? Были бы у меня средства, я никогда не печатал бы стихи, не стремился бы к этому, т. к., насколько я убедился, стихи, вернее, хорошие стихи (не говорю о себе), печати не нужны. Это обстоятельство, как самый печальный цветок в букете остальных печальных обстоятельств в жизни пишущих ребят, не имеющих литературного имени.

Ну, я разболтался, как воробей на зерне. Извини. Очень рад был бы увидеть тебя.

С сердечным приветом Н. Рубцов

А. А. РОМАНОВУ

Никольское, сентябрь 1965

Дорогой Саша!

Очень рад был твоей весточке. Извини только, что не поздравил тебя с праздником. Дело в том, что я не успел сделать этого. Как только пошел на почту, так сразу же по дороге угодил в самый разгар праздника. А потом посылать телеграмму было уже поздно.

Кое-что о делах.

Здесь подписались после моего разговора на три номера журнала «Север». Только пока на 3. Знаешь, поздновато взялись за это дело: агитация насчет подписки на всевозможные издания здесь была проведена раньше, люди подписались в результате уже на все, на что были способны. Ну, ничего, может, еще кто-нибудь надумает...

...С Москвой пока не поддерживаю никакой связи. Да это и ужасно трудно при никаких транспортных и дорожных условиях. И жаль еще: у меня здесь нет пишущей машинки, а я срочно должен перепечатывать рукопись «Сов. писовскую» и отсылать ее. Но это все, конечно, ни в коей мере не должно касаться. Это я пишу просто так — «жалобы турка».

В. Елесин поместил в здешней газете хорошую (даже очень хорошую) рецензию на мою книжку и тот же хороший отзыв о ней написал мне в личном письме. Вообще, он молодец. Наверное, ведь сделал он это вопреки воле мрачного редактора.

Вопрос: как все-таки из этой глуши ты посоветуешь мне «проявить себя» в Вологде?

Саша, я тут поднаписал кое-каких стихов. Два из них — «Осенние этюды» (длинное) и «Кружусь ли я...» — посылаю тебе с просьбой: предложи ты, пожалуйста, если сам найдешь возможным, хотя бы эти «Этюды» в «Вологодский комсомолец». Стихотворение это лирическое, картинное, с кое-какими мыслями на, так сказать, общечеловеческие темы. Намерен, между прочим, в будущем написать целый цикл такого рода.

А в стихотворении «Кружусь ли я в Москве бурливой» можно заменить кое-какие эпитеты. И в частности, «грустные стихи» можно заменить «добрыми», «адский дух» — «бодрым» и стих будет абсолютно даже комсомольским. Да ты сам все поймешь прекрасно.

Вызова твоего жду. Может, смогу из этого бездорожья выбраться.

Сердечный привет твоей семье, Васе Белову, С. Багрову (что он мне журнал-то не послал?).

Да хранит тебя Бог.

Н. Рубцов

Р. С. Прошу тебя передать в редакцию стихи лишь потому, что сам я теперь не сразу соберусь им написать. Просьба моя, так сказать, попутная с этим письмом тебе. Да ведь там все рядом. Все дело в том, одобришь ли ты сам-то эти стихи.

Еще раз всего наилучшего!

Да, там есть строка: «Картины нашей жизни одна другой прекраснее...» Так надо бы «Картины... одна другой туманнее».

В. Д. ЕЛЕСИНУ

Никольское, октябрь 1965 года

Дорогой Вася!

Я опять в Николе. На сей раз я командирован сюда на длительный срок Союзом писателей.

Возможно, что скоро уеду.

У меня вышла книжечка. Конечно, тут далеко не все, на что я способен. Ну пусть. Посылаю одну книжечку тебе. Найдешь нужным — отрецenziруйте, я не буду против 24.

А еще в 10-м номере «Октября» вышла большая подборка моих стихов. Можешь посмотреть.

Вот вкратце такие мои дела.

Сейчас я возьмусь писать два очерка по заданию журнала «Сельская молодежь». Вполне возможно, что ничего не напишу.

Вася, милый, как ты там живешь в своей скучной, но хорошей Тотье? По-прежнему? Есть ли новости?

В Москве я побывал у Александра Яшина, Осталось очень хорошее, но печальное воспоминание: слишком уж часто он болеет. Ну, жму руку. Напиши мне. Буду рад.

С приветом Н. Рубцов

В. Д. ЕЛЕСИНУ

Никольское, 24 октября 1965

Добрый день, дорогой Вася!

Я рад, что книжечка моя тебе в общем-то понравилась. С твоими дружескими (очень уж скромными) замечаниями я согласен. Да, есть у меня пристрастие к восклицательным знакам. Ставить их, где надо и не надо. Ну, а насчет того, что колокол под дугой звенеть не может, даже «легонечко», когда лошадь идет шагом, — это, Вася, плод твоей великолепной фантазии. Сейчас вот бабки говорят: «Колокольчик на любой животине всегда звенит». Да и как ему не звенеть, если дороженьки-то наши настолько ухабисты, Вася, что тут и дуга, и оглобля, и груз, не только колокольчик — все запоеет. Ну, да бог с ними.

Серезу Багрова, да, я видел в Вологде. Правда, быстро расстались. Прошлись только от редакции до рынка.

О себе писать нечего. Могу только сказать, что очень полюбил топить печку по вечерам в темной комнате. Ну, а слушать завывание деревенского ветра осенью и зимой — то же, что слушать классическую музыку, например, Чайковского, к которому я ни разу не мог остаться равнодушным.

Вася, я посылаю тебе два стихотворения и, как это говорится, прошу напечатать, что можно, в газете.

Одно из них — «Осенние этюды» — посвящается А. Яшину, т. к. ему понравились те картины, которые есть в этом стихотворении. Стихотворение абсолютно печатное. В другом стихе есть у меня строчки: «Склоню

ли голову, слагая о жизни грустные стихи». Если вашу газету не устроит слово «грустные», можно его заменить другим. Это сделать легко, хотя никакого другого слова, никакой другой эпитет здесь не будет точнее и лучше. Еще в этом же стихотворении есть строчки: «Нет, не найдет успокоенья мой беспокойный бодрый дух!» Это вариант для газеты. Но, может быть, газета примет и другой вариант этих строчек: «Нет, не найдет успокоенья во мне живущий адский дух!» Буду очень рад, если в нашей газете еще раз появятся мои стихи. Особенно я желал бы увидеть там «Осенние этюды».

Вася, читал ли ты мою подборку в «Вол. комсомольце» за 10 октября? Видел ли подборку в журнале «Октябрь» в 10-м номере? Если видел, то покажи их и редактору.

Пиши. Крепко жму руку. Не унывай!

С искренним приветом Н. Рубцов

В. Д. ЕЛЕСИНУ

Никольское, начало ноября 1965

Посылаю заметку о нашем фельдшере. Редактируй ее и сокращай, как хочешь (это не стихи), но только хоть что-нибудь из этой заметки надо бы напечатать. Так что, если найдешь это возможным, предложи, пожалуйста, заметку в газету.

Живу неплохо. Хожу в лес рубить дрова. Только щепки летят!

Поздравляю с праздником. Будь здоров и счастлив. Передай, пожалуйста, привет Сереже, если он уже вернулся.

С искренним приветом Н. Рубцов

А. Я. ЯШИНУ

Никольское, 19 ноября 1965

Дорогой Александр Яковлевич!

Я часто вспоминаю Вас и тот вечер, когда мы с Феликсом были у Вас. Тогда за столом, между прочим, мне особенно понравились грибы.

Я давно уже в деревне (по-прежнему снимаю здесь «угол»). Первым делом, как приехал сюда, закинул удочку в холодную реку— ничего не попало. Сходил в лес— ничего не нашел, кроме замороженных старых масляков и рыжиков. Потом все занесло снегом...

В деревне мне, честно говоря, уже многое надоело. Иногда просто тошно становится от однообразных бабьих разговоров, которые постоянно вертятся вокруг двух-трех бытовых понятий или обстоятельств. Бывает, что ни скажи — они все исказят в своем кривом зеркале и разнесут по всему народу. Так что лучше тут не откровенничать и вообще не отвечать на любопытные расспросы, но все время помалкивать— это ведь противоестественно. Особенно не люблю тех женщин, которые вечно прибедняются, вечно жалуются на что-то, вечно у которых кто-то виноват и виноват настолько, что они рады бы стереть его с лица земли. А у некоторых вообще все виноваты. Столько ненависти в словах некоторых женщин, вернее, все-таки баб, что слушать их просто страшно. Кажется, от «толстовства» в деревне и следа не осталось. Конечно, я знаю и очень привлекательные свойства сельских жителей, но все равно все навязчивей мне вспоминаются слова Сергея Есенина: «Нет любви ни к деревне, ни к городу...» Впрочем, то и другое (деревня и город) мне

разонравились не в той помрачительной степени, в какой Есенину. А большинство мужиков деревенских (да и женщин некоторых) я по-прежнему люблю и глубоко уважаю.

В последнее время мне особенно понравилось топить по вечерам маленькую печку. Кажется, век бы от нее не ушел, когда слышишь, как говорят, что вот во второй половине ноября по всей европейской части Союза ожидаются сильные снежные бури. Но мне все же придется скоро уехать отсюда. Ну, что ж, странствовать я еще тоже не отвык. Главное, сдвинуться с места.

Александр Яковлевич! Я не знаю, как вы сейчас чувствуете себя (или, как здесь говорят, как можете), все в порядке с Вашим здоровьем? Но, искренне надеюсь, что Ваш недуг прошел, и Вы, как прежде, стали сильным и могучим, я решил обратиться к Вам с просьбой по вопросу, вернее, по делу, важному для меня. Обращаюсь именно к Вам потому, что именно Вас, я уверен, только и послушают.

Дело в том, что у меня в Архангельске в Северо-Западном издательстве вышла маленькая книжечка— 1 п. л.

Недавно за эту книжку, за которую я должен был получить оставшиеся 40 % гонорара, мне послали всего-навсего 29 рублей. При этом уведомили меня, что никакого недоразумения здесь нет, что произведен окончательный расчет. (И эту-то несчастную сумму они послали после долгой некрасивой волынки.) Они совершенно неожиданно для меня решили оплатить не все строчки, а только, видимо, рифмованные. Решили — сделали. Оплатили 470 рифмованных строк, но фактически в книжке 640 строк, т. е. за ними остался— я в этом убежден— долг. Это долг за 170 строк по 70 коп. Вот уж действительно свинью подложили! Я не злоупотребляю разбивкой строк, да дело еще и в том,

что они сами кое-где ее убрали, а кое-где ввели, — значит, в художественном отношении они нашли это целесообразным. Так чего ж они, балбесы, подсчитали только рифмы! Они обязаны мне оплатить были по договору 1 п. л., равный 700 строкам (не важно, рифмованных или нет), фактически они обязаны мне оплатить 0,88 п. л., равного 640 строчкам (опять же не важно, рифмованных или нет). Правда ведь? Да во всех порядочных издательствах оплачивают все строки — это я знаю по себе.

Между прочим, у меня в книжке есть и белые стихи. По какому же принципу они оценили их? Если они взяли тут во внимание ритмические строки, то почему же они не сделали этого по отношению к другим «разбитым» стихам? Ведь разбивка— это и есть создание ритмических (интонационных) строк. Да есть там и такие стихи, в которых невероятно трудно подсчитать все рифмы. Ведь дело-то все-таки не в рифмах, а в строках! Рифма — лишь художественное средство, которое я могу использовать, могу и не использовать. Да что тут говорить! Они поступили очень непорядочно. Хотя бы тогда предупредили меня заранее, что у них такое (особое) правило оплаты стихов.

Просьба моя заключается в том, Александр Яковлевич, чтобы Вы посоветовали мне, что теперь сделать, или (если Вы найдете, что я прав), может быть, Вы сами напишете им об этом, и они образумятся. Что касается меня, то я им о своей претензии еще ничего не написал. Я бы плюнул на все это дело, но суть в том, что, уезжая в эту деревенскую глушь, я рассчитывал на эти средства и строил в связи с ними кое-какие планы. Теперь они рухнули. Я ведь не миллионер. Вот так: в книжке 640 строк, они же оплатили только 470 строк.

Плевать на это дело (отмахиваться от него) нельзя еще в смысле принципа. Если же вы, Александр Яковлевич, не совсем здоровы, то тогда извините меня

и забудьте об этой просьбе. Я Вас очень прошу: в этом случае извините и забудьте! Жаль, что эти идиоты вынудили меня побеспокоить Вас и испортить свое письмо. Передайте мой сердечный привет дорогой Злате Константиновне, Вашим чудесным девушкам и ребятам. Будьте здоровы! Да хранит Вас Бог!

Николай Рубцов

Вологодская обл., Тотемский р-н., с. Никольское

(Далее идут написанные от руки два стихотворения: «Осенние этюды» с посвящением А. Яшину и «Кружусь ли я в Москве бурливой...».)

P. S. Книжка моя называется «Лирика». Может быть, Вы сумеете не очень долго собираться с ответом. Буду Вам искренне благодарен и обязан.

19/XI—65.

Ф.Ф.КУЗНЕЦОВУ

Никольское, 20 ноября 1965

Добрый день, дорогой Феликс!

Перед отъездом из Москвы я заезжал к тебе домой с бутылкой шампанского, чтобы проститься. Видел тогда только твоих девочек. В тот же вечер немедленно выехал из Москвы, доставившей мне на этот раз столько неприятностей. Хотел уехать нарочно один, без всяких провожающих, но на вокзале меня поджидала Лариса. Это моя знакомая — очень хорошая юная девушка. Она узнала от кого-то, что я уже собрался уехать в Вологду, и целый вечер находилась на вокзале возле всех поездов, идущих на Вологду. Возле одного из них мы и встретились. Эта встреча меня обрадовала, и мое мрачное настроение (будь проклято это желтое общежитие, где даже друг в отместку может подло напасть) перед самым отъездом немного рассеялось.

Живу тихо, но не настолько спокойно, как это некоторые могут подумать, представляя себе деревню. Нет. Где люди — там нет покоя. Пусть только два двора будут стоять посреди огромной тайги — но и тогда все равно будут происходить драмы, вплоть до самых ужасных трагедий.

Иногда хожу в лес, рублю дрова — только щепки летят. Недавно со страшной силой ударился поперек бревна боком, даже ребра затрещали — так что сейчас, когда я пишу это, мне приходится по временам отходить от стола, чтобы отдышаться, хватануть кислорода.

Феликс! Я обратил внимание, что листок, на котором я пишу, лежит на «Лит. газете», а в ней написано: «Моя поэтическая личность... всегда отделена от меня». Это слова какой-то Майи Борисовой, которые приводит в своей статье «Диалог соседей» твой (и наш общий) друг Ал.* Михайлов. Приводит их и добавляет: «Мне близка эта мысль, подтверждающая мою позицию в наших спорах о лирическом герое». Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Умники! Ужас! Михайлов, оказывается, не «рубит» в поэзии. А ты говорил... Нашел еще, на кого ссылаться! Великий русский поэт Борисова! Ну, да ладно: у них своя компания, у нас — своя.

И прошу прощения: я задел такую личность, от которой навсегда отделена не только поэзия, но и в любой момент может отделиться приказ о моем исключении из института.

Дорогой Феликс! Напиши мне, будут ли мои стихи в «С.М.»? А еще буду рад, если напишешь о себе.

У меня вышла в Архангельске маленькая книжечка. Да хранит тебя бог!

Н. Рубцов
20 ноября 1965 г.

Посылаю пару стихов из последних. Кое-что буду еще там заменять.

Далее приведены стихи:

«Осенние этюды»

«Кружусь ли я в Москве бурливой...»

«Памяти Анциферова»

«Избушка» (Зачеркнуто Н. Рубцовым)

Ну, последнее стихотворение — «Память» — вряд ли произведение. Но все-таки это мимолетный (как мимолетное рукопожатие) знак любви и уважения к Коле Анциферову. А ты все-таки не забудь о «С. М.».

Н. Р.

В ГОРОТДЕЛ МИЛИЦИИ г. ЧЕРЕПОВЦА

Вологда, декабрь 1965

Уважаемые товарищи!

Очень прошу Вас сообщить адрес Рубцовой Галины Михайловны, г. р. 1929-й, которая сейчас проживает в г. Череповце. И еще очень прошу сообщить мне об этом, не задерживаясь, т. к. мне это совершенно сейчас необходимо.

Она моя сестра.

С уважением — Рубцов Николай

Мой адрес: г. Вологда, ул. Ленина, 17, Союз писателей.

А. А. РОМАНОВУ

Никольское, начало 1966

Добрый день, Саша!

Получил ты или нет мое первое письмо, которое я написал тебе еще до Нового года, — я не знаю. Живу по-прежнему.

Саша, будут (...) или не будут мои стихи в «Кр. Севере»? Забыли о них, может быть? Если же не забыли и отменили опять их публикацию, то сообщи, пожалуйста, об этом. Чтоб я не надеялся.

Нет ли какой-нибудь работы для меня в Вологде? Здесь ее нет. Чувствую себя изгнанником.

Спасибо за рецензию на подборку тех моих стихов. Я эту рецензию получил.

Привет В. Белову.

Пока все. Прошу только, Саша, пошлите, пожалуйста, мне сюда пару слов о том, о сем.

Желаю тебе и Тасе и всей семье самого наилучшего.

С искренним приветом Н. Рубцов Тотемский р-н, с.
Никольское

В ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИНСТИТУТ

18 марта 1966

Ректору Литературного института им. Горького
от студента 4-го курса заочного отделения Рубцова
Н.

Заявление

Прошу восстановить меня на дневном отделении института. Я перевелся по личному заявлению с дневного на заочное отделение сроком на один год летом 1964, т. к. хотел побыть ближе к обстановке современной деревни: это было необходимо для написания книги.

За это время я опубликовал книгу стихов о деревне «Лирика» (г. Архангельск, 1965 г.) и подготовил книжку «Звезда полей», которая уже одобрена издательством «Советский писатель». А также опубликовал циклы стихов в журналах «Молодая гвардия», «Октябрь», «Юность» и др.

Но поскольку по месту жительства (с. Никольское Вологодской обл.) я испытываю большие затруднения в подготовке к занятиям и в повышении своего культурного уровня (ближайшая районная библиотека расположена за 100 км от деревни), я хотел бы завершить свое образование на дневном отделении.

Прошу в просьбе не отказать.

18.03.66 г.

А. А. РОМАНОВУ

Красногорское, 28 июня 1966

Добрый день, Саша!

Пишу тебе из Сибири. Ермак, Кучум... Помнишь? Тайга, Павлик Морозов...

Много писать не стану, т. к. сейчас пойду на рыбалку, да тебе и не будет интересно, если я начну описывать свои последние впечатления или еще что-то. Скажу только, что я сюда приехал, кажется, на все лето, т. к. еще не бывал в этой местности и решил использовать возможность, чтобы посмотреть ее. Изучить ее. Перед отъездом сюда взял командировку от журнала «Октябрь». Скажу еще только, что сильно временами тоскую здесь по сухонским пароходам и пристаням...

Поводом к этому письму послужило в основном то, что я на днях послал тебе телеграмму и хочу сейчас прояснить ее смысл. Я там написал: «Вышли перевод...» Дело в том, что когда я проезжал через Барнаул (центр Алтайского края) «меня» там напечатали в газетах, и один из гонораров, как мне сказали, выслали в Вологду на Союз писателей. Выслали туда потому, что я не успел сообщить им здешнего своего сельского адреса, а они знают обо мне, как о вологодском. Если перевод действительно пришел в Вологду, тогда телеграмма понятна и без этих слов, но я сомневаюсь в том, что он туда обязательно должен прийти, поэтому и объясняю, что это была за телеграмма. Гонорар-то, правда, небольшой совсем, но не в этом дело.

Вот так насчет телеграммы. Как там поживает у вас Сергей Есенин? Вспоминаю о нем с прежней глубокой

симпатией и жалею, что разлучили нас.

Читал в «Литературной России», что у тебя выходят стихи в «Севере». Здесь, к сожалению, этот ж-л не найдешь. Когда выйдут твои стихи и в «Современнике»?

Мои подборки можно почитать в «Знамени» (6-й номер) и в «Юности» (тоже 6-й номер). В «Современнике» мои стихи Фирсов не смог напечатать. Нужна была другая тематика, что ли, а вернее, настроение. Ну, да это ведь не пушкинский «Современник», а наш! Горе луковое.

Привет С. Есенину, В. Белову, Б. Чулкову, Л. Фролову, В. Арину, С. Багрову. Ну, и конечно — Асе.

На случай, если решишь дать весточку, сообщаю свой адрес: Алтайский край. Красногорский район, село Красногорское, ул. Мира, дом 15-а, кв. 5. Письма сюда надо слать только авиапочтой.

Да хранит тебя бог!

28/VI—66 г.

Н. Рубцов

В. НЕЧУНАЕВУ И Б. ШИШАЕВУ

Красногорское, июнь — июль 1966

Добрый день, Вася и Боря.

Вспомнил вдруг, что вы скоро уедете из Москвы (ведь уже экзамены?), и вот спешу послать вам весточку.

Вообще вас вспоминаю часто.

Доехал я тогда, как это говорится, благополучно.

Сначала побывал у тебя дома. У тебя, Вася. Встретили меня хорошо. Матрена Марковна передает тебе привет. А еще она спрашивала, пьешь ли ты вино (я отвечал — нет), как живешь и т. д.

На другой день видел Ольгу. Мы с ней немного поговорили, и потом я сразу же поехал к С. Вторушину. От Славки сразу же опять направились к Ленке Мерзликину. У него я остался ночевать. Через два дня я был уже не в Барнауле, а в Бийске и — через несколько часов — в Красногорске.

Гена Володин, а также жена его Галя встретили меня вполне гостеприимно. И до сих пор живется мне у них неплохо.

Правда, твое представление о Швейцарии, мне кажется, не совсем верное — иначе ты не стал бы эту грязно-пыльно-снежную, похожую на пустырь местность (я давненько не видел такой неживописной местности) сравнивать с ней, со Швейцарией. Гена говорит, что зато очень красиво за ближайшей горой. Ну что ж, посмотрим. Частенько сейчас бываем на рыбалке с Геной и его товарищами. Цветы здешние мне понравились. Вино плохое. Поэтому, наверное, я его так редко здесь пью. Предпочитаю чай.

Вот так внешне я сейчас живу.

Боря, а как ты чувствуешь себя? Понял ли ты наконец, что еще слишком и слишком рано и совершенно бессмысленно сочинять завещания? Куда интереснее и веселее сочинять (ну, писать) стихи. Летом земля (вообще жизнь) особенно красива. А сколько еще впереди этих лет?

Вася и Боря, мне очень и очень интересно узнать, как складываются сейчас ваши жизненные обстоятельства, чем вы сейчас, как говорится, дышите. Поэтому буду рад и благодарен вам, если вы (перед отъездом из Москвы) пошлете мне сюда письмецо.

Вася, все твои товарищи и знакомые, которых я здесь видел, передают тебе искренний привет. А значит, и Боре. Особый привет от Ольги.

Заканчивая письмо, я хотел бы и вас попросить передать мой привет некоторым ребятам из института: Эдику Крылову, Лене С... (?), С. Чухину, С. Петрову, В. Юдинову.

...Еще вот что: почему не послал мне Алиферовский контрольные работы? Узнайте, пожалуйста, там. Или все эти ребята уже уехали? Плохо тогда. Мне эти контрольные, кажется, очень нужны.

Ну, жду ответа. Пишите обо всем. Побольше — о себе. Крепко жму ваши мускулистые руки.

Ваш Рубцов.

Ф.Ф.КУЗНЕЦОВУ

Красногорское, 2 июля 1966

Дорогой Феликс!

Я уже давно пропадаю в одном из глухих и неказистых уголков Алтайского края — в селе Красногорском. Здесь мне совершенно не понравилось. Живу в двухэтажном, городского типа, каменном домике, вокруг которого или только сплошная непроходимая грязь (в дожди), или непроглядная пыль (в жару). Деревьев почти нет. Выйдешь за село — унылая, однообразная, поросшая мелкой травой долина, дальше — горы, такие же однообразные, безлесые, бледно-зеленые. Окрестных деревень не видно, т. к. они за горами. Реки мутные — они текут по глинистой почве. Самобытности в сельских нравах нет никакой. Нет и особого говора. Все это меня сильно огорчает: в таких условиях ничто не останавливает мой взгляд, ничто не заденет ни мысли, ни чувства...

Дело в том, что человек, к которому меня сюда, в Алтайский край, проводили ребята, переехал с прежнего места жительства сюда. Там, где он прежде находился, действительно местность очень живописная и напоминает лучшие уголки Швейцарии. (О, Швейцария! Невиданная прекрасная страна!)

Неплохо только то, что здесь есть в районной редакции легковой автомобиль. Он частенько путешествует по горам, по окрестным селам, и я имею возможность насладиться иногда другими (и правда замечательными) видами природы, видами человеческой жизни. Но этого все же мало.

В общем, к сожалению, не понравилось. Я-то, видишь ли, думал: Ермак, Кучум... тайга, Павлик Морозов... Швейцария вторая... и т. п.

Встретили меня хорошо. Человек, у которого я живу, поэт моего возраста. Беспокойный, холерического темперамента, но в общем хороший человек. И стихи пишет в общем живые, но нередко увлекается внешней стороной стиха, стремится к чему-то «яркому», такому, что при недостаточном чувстве гармонии (словечко!) — приводит частенько к хаосу и бессмысленности. Увлечение внешней стороной у него не «вознесенского», а примерно «цыбинского» характера, даже «поперечного». Это я говорю о его лучших, в общем-то все-таки живых, не лишенных дыхания стихах.

Кстати, не подумай, что для меня интересен Поперечный. Я не люблю таких, которые «Я танки брал, я кровь свою мешками проливал, вся грудь моя...» и т. п.

Он — говорю опять о моего гостеприимном хозяине — быстрее воспринимает стихи, так сказать, не совсем серьезные, не глубокие по мысли и чувству, идущие не от всесторонней могучей поэтической натуры, а от натуры, в которой главное достоинство — темперамент, что ли. Внутренне (а это сказывается и в его собственных стихах) он близок и к более тонкой поэзии; но говорит о ней редко и нехотя.

С ним мне бывает и весело, и грустно. Частенько ходим с ним, взяв удочки, на речку. Но все здешние реки меня возмущают — настолько они мутные, настолько грязные голые берега...

Феликс! А почему твоя статья и мое стихотворение так и не появились в «Известиях»?

Еще меня волнует то обстоятельство, что перед отъездом я не успел поговорить с Толей Передреевым, что мы не успели «организовать» ему ту «каморку», в которой было бы для него в то время хорошо. Можно

ведь было бы еще раз поговорить с ее хозяином, и он бы, наверное, не стал возражать. Потом он просил меня позвонить в «Лит. Россию» Ю. Кушаку насчет той комнаты. И Толя того не знает (повторяю, не успел с ним, поговорить), что я звонил Кушаку целый день, да так и не дозвонился. Так что говорил я насчет той комнаты только с Володей. Может быть вы все-таки там устроили дело? Передай, пожалуйста, Феликс, привет Толе. Да скажи ему все. А в Москве ли он сейчас? Да сам-то ты в Москве ли?

Если будешь в Тотьме, передай привет Васе Елесину. Он — ты знаешь? — работает в редакции. Да, правда, ты об этом знаешь.

Читал в «Лит. России», что мои стихи идут в «Юности» в 6 номере, но журнал пока еще не получил. Быстро они решили

напечатать. Очень благодарен тебе за поддержку. В «Знамени» тоже, вышли 3 стихотворения. Тоже в шестом номере.

Феликс, если для тебя не стоит труда взять для меня командировочное удостоверение (в Алтайский край) где-нибудь, то возьми его, пожалуйста, и пошли мне. Все лето я все-таки буду в этом краю. Но хочу переехать в августе в другое село. Хорошо бы иметь на этот случай такое удостоверение. Если же это потребует беспокойства, то и не надо ничего.

Напишешь ли, Феликс, ответ? Я его буду очень ждать и буду рад твоему письму, твоей весточке. На случай, если напишешь, вот мой адрес: Алтайский край, Красногорский район, село Красногорское, ул. Мира, д.15-а, кв.5.

Сердечный привет Светлане и вашим девочкам. Как вы там поживаете? Да хранит вас бог! Привет также Александру Яковлевичу и Злате Константиновне. Всего тебе наилучшего, мудрый Феликс!

2/VII Н. Рубцов

Извини за кляксы: авторучка такая неряха.

Если будешь писать, то письмо шли авиапочтой.

Л.А.МЕЛКОВУ

Красногорское, 22 июля 1966

Дорогой Леня!

Пишу тебе из Алтайского края, из одного из его захолустных уголков — села Красногорского, о котором редко кто слыхивал. Приехал я сюда по командировке от журнала. Приехал ради только того, чтобы посмотреть на Сибирь-матушку. В общем, жив-здоров и даже кое-что в здешней жизни мне нравится.

Леня, подавал ты или нет заявление в Лит. институт? Весной Сережа Чухин писал тебе, чтоб ты послал нам стихов. Я в Москве был до 1 мая, и мы тогда хотели тебе помочь в этом деле, в меру сил. Жаль, что ты (не знаю, по какой причине) не откликнулся. Мне очень интересно, подавал ты заявление или решил подождать до будущего года? Вообще, хотелось бы побольше узнать о тебе, о твоей жизни, о твоей «черемухе над разыгравшейся водой». Поэтому я буду рад, если ты пошлешь мне весточку.

Да, а как у тебя дела в Усть-Кубенской газете? Ты уже взял там расчет, наверное?

Недавно я получил 6 номер «Юности». Там есть и мои стихи. Возможно, и ты их увидишь, поэтому хочу предупредить тебя, что в первом стихотворении, в первой же строфе пропущена целая строчка. Вот бесы! Это сразу же сбивает с толку. Несколько стихов вышло также в «Знамени» (тоже 6 номер).

Леня, а была ли рецензия на «меня» в «Севере»? Мне некоторые ребята говорили, что будет.

Ну, ладно.

Повторяю, очень буду рад, если напишешь. Только письмо нужно слать сюда авиапочтой. Вот мой адрес: Алтайский край, с. Красногорское, ул. Мира, д. 15а, кв. 5. Если решишь написать, то не задерживайся: письмо может не застать меня. Привет Вас. Белову, Борису Чулкову, если увидишь их, а еще — С.Багрову. Да, а где сейчас В.Бобылев? Ему тоже привет.

Всего тебе хорошего!

До свиданья.

Посылаю одно из последних стихотворений.

Н.Рубцов

22 июля 1966 г.

В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «ЮНОСТЬ» 25

Красногорское, лето 1966

Добрый день!

Я однажды уже посылал вам письмо, в котором была фотография для моей подборки стихов, а также был указан теперешний адрес.

6-й номер журнала, где мои стихи, я сейчас получил. И вижу, что фотография там помещена давнишняя, не та, которую я послал отсюда. Значит, Вы не получили мое письмо? Или карточка оказалась плохой?

Странно, что в первом стихотворении, в первой строфе пропущена целая строчка («оцепенели маленькие ели»). Это сразу же сбивает с толку. Это, наверное, случайно.

Еще раз сообщаю.....

В ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»

Невская Дубровка, осень 1966

Уважаемые товарищи!

Посылаю обратно верстку своей книжки с кое-какими поправками. Стихи «Отправляясь в дорогу» и «Доволен я буквально всем!» я рад бы заменить вообще полностью. Но поскольку оба заменить трудно, прошу убрать хотя бы одно «Отправляясь в дорогу». В нем нет ни настроения, ничего, одна только последняя строчка. Я еще и тогда (помните, Владимир Кузьмич?) был против него, а теперь против абсолютно. Оно короткое, и я думаю, что его легко заменить другим коротким «Ветер всхлипывал, словно дитя», которое я сейчас и посылаю. Можно было бы послать еще несколько на выбор, но я думаю, что это простенькое лирическое стихотворение подойдет.

На всякий случай посылаю еще одно стихотворение «Зимним вечерком» (пожалуй, можно и два, добавлю еще «Весна на берегу Бии»). Этими стихами я не против заменить «Доволен я...» Но если это трудно или вообще невозможно, то я, конечно, и не настаиваю.

Странно, что стихотворение «Звезда полей» пошло в книжку не тем вариантом, который я хотел поместить. Сам виноват, не досмотрел, но все-таки в верстку этого стихотворения я внес четверостишие, которое не усложняет техническую сторону, а стихотв., по-моему, улучшает: оно получается более лиричным.

В аннотации мне тоже кое-что не нравится. Например, слова «ведет неторопливую беседу». Во-первых, это слишком уж общие слова, и потом они не

соответствуют истине: никакой беседы я не веду. Ведь лирические стихи — это совсем другое дело. Ну, в общем-то, тут Вам видней...

В Москву пока приехать не могу, поэтому, если что нужно сообщить, напишите по адресу: Ленинградская обл., Всеволожский р-н. Невская Дубровка, ул. Советская, д. 1, кв. 4.

С глубоким уважением Николай Рубцов

Р. С. Я, конечно, абсолютно не против замены стихотворения за мой счет.

С. Н. ШМИТЬКО

Москва, лето 1967

Сереза!

Завтра, часа в два-три я получу в издательстве деньги, но сегодня мне нехорошо перед товарищем: недостает у меня одного рубля.

Займи, пожалуйста, до завтра.

В ВОЛОГОДСКИЙ ОБКОМ КПСС

Вологда, 15 июля 1967

В Вологодский обком КПСС
от члена вологодского отделения Союза писателей
РСФСР

Рубцова Н.М.
Заявление

Прошу Вашей помощи в предоставлении мне жилой площади в г. Вологде.

Родители мои проживали в Вологде. Я тоже родом здешних.

Жилья за последние несколько лет не имею абсолютно никакого. Большую часть времени нахожусь в Тотемском районе, в селе Никольском, где провел детство (в детском доме), но и там, кроме как у знакомых, пристанища не имею. Поскольку я являюсь студентом Литературного института им. Горького (студент-заочник последнего курса), то бываю и в Москве, но возможность проживать там имею только во время экзаменационных сессий, т. е 1-2 месяца в год.

Все это значит, что у меня нет ни нормальных бытовых условий, ни нормальных условий для творческой работы.

Я автор двух поэтических книжек (книжка «Звезда полей» вышла в Москве, в издательстве «Советский писатель», «Лирика» — в Северо-Западном книжном издательстве), я также автор многочисленных публикаций в периодике, как в центральной, так и в областной.

В заключение хочется сказать, что меня вполне бы устраивала и радовала жизнь и работа в г. Вологде.

Н. Рубцов
15 июля 1967 г.

В ПРИЕМНУЮ КОМИССИЮ СП РСФСР 26

Москва, 10 сентября 1967

В приемную комиссию Союза писателей РСФСР
от Рубцова Н. М.

Заявление

Прошу рассмотреть мои приемные материалы и
принять меня в ряды членов Союза писателей РСФСР.

10/IX—67 г. Н. Рубцов

Ю. Н. КУШАКУ 27

Вологда, 9 декабря 1967

Дорогой Юра!

Чрезвычайно серьезная просьба. Понимаешь, от меня из института требуют срочно сдать контрольные работы (за 5-й курс). Да я и сам чувствую, что это срочно требуется. Но у меня нет ни одной работы. Я только точно знаю, что они есть у Сережи Шмитко, — вот поэтому я и прошу: позвони Сереже, поговори с ним (а может, и зайдешь к нему), убеди его, чтобы он мне выслал их заказной бандеролью, как можно скорее. Обращаюсь к тебе, а не к нему потому только, что забыл его адрес и телефон. Очень, Юра, буду благодарен.

Живу нормально. До весны буду в Вологде. Жду твой ответ и контрольные по адресу: г. Вологда, ул. Ленина, 17, Союз писателей.

Юра, очень надеюсь, что постараешься, потом — сочтемся. Мне не с кем больше об этом говорить.

Хотелось бы встретить тебя, но что поделаешь.

Крепко жму твою руку. До свидания.

9/XII—67 г. Н. Рубцов

В. Д. ЕЛЕСИНУ

Вологда, 18 декабря 1967

Вася,
очень прошу: вышли газету²⁸ со стихами Нели
Старичковой, где рассказ Сережи.
Вышли на Союз писателей.
Крепко жму твою благородную руку.

18/XII—67 г. Н. Рубцов

Н. ШИШОВУ 29

Вологда, не ранее 1968

Николай. Я вышел и встретил Шабалина Б. Мы решили идти в лес за грибами. Прямо от Васи поедем. Твою заметку я отнесу, конечно. Пока.

Н. Рубцов

В СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ СССР 30

Вологда, 20 августа 1968

Уважаемые товарищи!

Высылаю учетную карточку члена Союза писателей СССР, которую я заполнил. Высылаю также и фотокарточку: одну — для учетной карточки, другую — для членского билета, третью — на всякий случай.

Прошу членский билет Союза писателей выслать мне по адресу: г. Вологда, ул. Ленина, 17, Союз писателей.

С уважением,

20/VIII—68 г. Николай Рубцов

Н. МАКЛАКОВОЙ

Вологда, осень 1968

Уважаемая Н. Маклакова!

Вы сами понимаете, что поэтическое дело — дело очень сложное. Это — искусство. Ваши стихи как раз и страдают тем, что написаны они как школьное сочинение. Причем написаны они не поэтично, а крайне прозаично. Вам нужно сначала как можно больше узнать о том, что же все-таки такое поэзия. Значит, в частности, надо больше читать...

В. И. ДРУГОВУ 31

Вологда, конец 1968 года

Уважаемый Василий Иванович!

Обращаюсь к вам в крайнем случае по чрезвычайно важному для меня делу. Я вовсе не склонен к официальному тону своего обращения к вам — поэтому пишу вам обычное (ну, пусть просительное) письмо, а не специальное заявление.

Для ясности общей картины расскажу немного, без всякого художества и подробностей, о своей жизни.

Родился я в 1936 году. Родителей лишился рано, поэтому исключительно мало знаю о них. С пяти лет воспитывался в различных детдомах Вологодской области, в частности в Никольском Тотемского района. Там закончил семь классов, и с тех пор мой, так сказать, дом всегда находился там, где я учился или работал. А учился я в двух техникумах— в лесотехническом и горном, работал кочегаром тралового флота треста «Севрыба», слесарем-сборщиком в г. Ленинграде, шихтовщиком на Кировском (бывшем Путиловском) заводе, прошел четыре года военной службы на эскадренном миноносце Северного флота. В 1962 г. сдал экстерном экзамены за десять классов и поступил на заочное отделение Литературного института им. Горького в г. Москве. В настоящее время — студент-заочник последнего курса этого института. Начиная с того же 1962 г. я постоянно жил и зарабатывал, как говорится, на хлеб (а также занимался студенческими делами) в г. Вологде и ее окрестностях. Но постоянного адреса все это время не имел. Снимал «углы», ночевал у товарищей и знакомых, иногда выезжал в Москву— на

период экзаменационных сессий. В общем, был совершенно не устроен.

При Вашем благожелательном участии (Вы, конечно, помните встречу с Вами вологодских и других писателей) я получил место в общежитии. Искренне и глубоко благодарен Вам, Василий Иванович, за эту помощь, так как с тех пор я живу в более-менее нормальных бытовых условиях.

Хочу только сообщить следующее:

1. Нас в комнате проживает трое.
2. Мои товарищи по месту жительства — люди другого дела.
3. В комнате, безусловно, бывают родственники и гости.

Есть еще много такого рода пунктов, вследствие которых я до сего времени не имею нормальных условий для работы. Возраст уже не тот, когда можно бродить по морозным улицам и на ходу слагать поэмы и романы. Вследствие тех же «пунктов» я живу отдельно от жены, — впрочем, не только вследствие этого: она сама не имеет собственного жилья. Среди малознакомых людей я привык называть себя «одиноким». Главное, не знаю, когда это кончится.

Василий Иванович! Вряд ли я ошибусь, если скажу, что жизнь зовет к действию...

В. М. ЕРМАКОВУ

Вологда, 12 февраля 1969

Дорогой Валя!

Очень жаль, что нам тогда так и не дали поговорить эти звонки (помнишь ЦДЛ?). Я так и уехал, не разузнав толком, в каком состоянии моя книжка и что мне нужно там сделать. Я еще не скоро вернусь в Москву, поэтому прошу тебя в письменном виде сообщить мне об этом деле.

Кроме того, вот что:

Дней двадцать назад я послал письмо Туркину В. Я. о том, чтобы он помог мне получить в издательстве еще проценты в счет гонорара за будущую книжку. Ответа все еще нет. Он тебе ничего не говорил об этом? Узнай, пожалуйста, Валя, что он решил и поддержи меня в случае чего. Ладно? Напиши обо всем, пожалуйста, поскорее. Вообще пиши. Жду. Мой адрес: Вологда, Набережная 6-й армии, 209, кв. 43.

Желаю тебе наилучшего!

12/II—69 г. г. Вологда

Твой Н. Рубцов

А. А. МИХАЙЛОВУ

Вологда, апрель — май 69

Телеграмма

Москва Тверской 25 Литературный институт
проректору Михайлову

Дорогой Александр Алексеевич вышлите
пожалуйста личную чернилами теорию формы стиха
рифма ритм подобное кратко пожалуйста сразу.
Исключительно надеюсь прошу адрес Вологда улица
Яшина 3 квартира 66.

Рубцов

А. КРУГЛИКОВУ

Вологда, 1969

Уважаемый А. Кругликов! Вам неплохо удаются пейзажные короткие стихи, отдельные этюды. Они проникнуты хорошим и ясным настроением, написаны образными словами.

Но не знаю, устроят ли они редакцию по своей тематике. А между прочим, что это такое у Вас вдруг: «Сергея Есенин»? Это был Сергей Александрович Есенин. Всего доброго!

Литконсультант газеты «Вологодский комсомолец»
Н. Рубцов

М. А. КОТОВУ 32

Вологда, 1969—1971

Михаил Александрович!

Добрый день!

Посылаю Вам несколько стихотворений. Они непритязательны, есть кое-какой выбор. Посылаю также фотокарточку.

Если Вы напечатаете стихи, то пошлите мне, пожалуйста, номер газеты со стихами.

Дружеский Вам привет и уважение!

Н. Рубцов

Мой адрес: г. Вологда, ул. Яшина, д. 3, кв. 66

Привет Вам также от В. Белова.

А. В. КРУГЛИКОВУ 33

3 апреля 1970

Уважаемый А. Кругликов!

Первые полученные при мне Ваши стихи получили некоторое освещение в общем литературном обзоре на страницах газеты. Вы читали этот обзор?

Вновь присланные Вами стихи отличаются лиричностью интонации, неплохой изобразительностью в пейзажных Ваших зарисовках. Это, конечно, важно и хорошо. Но Ваши стихи порой слишком многословны и расплывчаты, порой слишком коротки и незначительны по смыслу. Вот здесь Вам нужно бы побольше поработать над стихами.

Пишите и посылайте нам еще стихи.

3 апреля 70 г. Н. Рубцов

**ЛЕНЕ МЕНЬШИКОВОЙ 34
(дочери)**

Вологда, апрель 1970

Лена! Поздравляю с днем рождения. Желаю тебе вырасти хорошей и счастливой.

Н. Р.

ЛЕНЕ МЕНЬШИКОВОЙ
(дочери)

Вологда, 7 апреля 1970

Лена! Поздравляю с твоим семилетием. Желаю счастья!

Н Рубцов

Л.А.ДЕРБИНОЙ

Вологда, 21 июля 1970

Здравствуй, Люда!

Я по-прежнему в Вологде. Жаль, что теряется золотое время для работы на природе, но так приходится.

Частенько уезжаю в Прилуки, чтобы выкупаться и попить пива на жару. По утрам хожу под холодный душ (мне его наладили). По-прежнему с большим интересом, а часто и с большой радостью читаю твои стихи.

Ты говорила, что будешь, возможно, в Вологде 21. Сегодня 21, но тебя нет. Как ты там живешь? Не думай обо мне плохо, это я только поначалу бываю такой. Люблю даже производить вначале вредное для себя впечатление, чтобы увидеть только реакцию... А как же иначе, Люда? Нельзя же сразу в омут головой. Надо все-таки осмотреться всесторонне да подумать. Только после этого могут наладиться ясные отношения и, конечно, более уверенные и спокойные. По-моему, так.

В 6 номере «Сельской молодежи» вышла страница моих стихов, а также в «Красном Севере» (за 19 июля). Напечатано стихотворение «Поезд». Может, посмотришь?

Кстати, давай попробуем напечатать твои стихи в каком-нибудь московском журнале? Пора, Люда, пора! Кроме того, Люда, не думай, что в Вологде тебе плохо будет. Ведь ты помнишь, как тебя хорошо встретили? Придай этому побольше значения и будь во всем снова уверена. Совсем ничего тревожного в этом отношении тут для тебя быть не может. Остается решать только личные дела. И тебе, и мне.

Как чувствует себя Инга? По-прежнему нервничает, да? Что это с ней такое?

Да, знаешь что? Ты могла бы, если потребуется, бывать у нашей Жени (помнишь?). Там красиво, и хороший лес, и вода, и домик, и за несколько дней там действительно можно что-либо создать, да и отдохнуть. В Троице-то ведь очень пустынно.

До свиданья, милая Люда! Счастливого тебе возвращения.

Николай.

21 июля 1970 г.

P.S. Ко мне пока никто не приехал. Что бы там ни было, я решил не принимать серьезных действий.<...>

В. М. ЕРМАКОВУ

Вологда, 31 июля 1970

Дорогой Валя!

Получил твое письмо.

Думал над новым названием для книжки, но ничего путного пока что в этом смысле не нашел. Привык к своему прежнему названию. Дело в том, что в названии «Зеленые цветы» есть определенный смысл, и он более менее определен в стихотворении «Зеленые цветы», вошедшем в рукопись. Зеленых цветов не бывает, но я их ищу. Может, ты договоришься все-таки с Д. А. оставить название прежним? Ничего ведь в нем плохого или страшного нет. Напиши, Валя, пожалуйста, на Вологодский Союз писателей (Вологда, ул. Лермонтова, 15, ком. 415).

Еще вот что: мне Дмитрий Артемьевич сказал, что можно объем рукописи довести до 3 п. л. Значит, можно будет еще добавить стихов. А еще он сказал, что не обязательно нужны новые, лишь бы хорошие, значит, можно будет потом кое-что в рукописи пересоставить? Но существо-то книжки я оставляю прежним, поэтому для художников смысл книжки должен быть ясен и теперь. Где-то в конце сентября (а может, и раньше) буду в Москве, тогда бы мы еще поработали над рукописью. Ну почему же не подходит название «Зеленые цветы»? Это ничего не напоминает, имеет свой смысл. Да и неужели так существенно для дела название? Книжка вышла бы лишь получше!

Всего тебе наилучшего! Жду ответ. Большой привет Д. А.

31/VII—70 г. Н. Рубцов

Л.А.ДЕРБИНОЙ

Ферапонтово, август 1970

Люда, здравствуй!

Здесь, в деревне, очень хорошо дышится, но подробности я напишу после, сейчас некогда, т. к. уходит почтальон.

Я собираюсь здесь побыть числа до 15. Поэтому, как мы договорились, ты пошли мне, пожалуйста, верстку, если она будет, а также пошли, если можешь, немного денег телеграфом. Или напиши просто, как там, чего там... или телеграфируй даже, если потребуется.

До свидания!

Жду ответа.

Николай.

Мой адрес: Вологодская обл... Кирилловский р-н, Ферапонтово, д. Оденьево.

P.S. Может вернусь в Вологду и пораньше.

В. М. ЕРМАКОВУ

Вологда, 27 октября 1970

Дорогой Валентин!

Я потерял где-то тот адрес, который ты мне давал. Теперь вот что. Попроси, пожалуйста, свое начальство (показавши, м. б., и это письмо), чтобы тебя отпустили, как редактора (ну командировали бы, что ли), ко мне, как к автору. Дело в том, что после архангельской поездки я сильно разболелся и сам для работы над рукописью приехать долго не смогу.

Пожалуйста, отпросись. Мы тут все сделаем, и тогда дело не задержится. Ответ телеграфируй по адресу: г. Вологда, ул. Лермонтова, 15, писательская организация. Жду!

27/Х—70 г. Николай Рубцов

В. Д. ЦЫБИНУ

Вологда, конец 1970

Дорогой Володя!

Очень жалею, что раньше никак не мог послать тебе стихи для «Дня». Болел, ездил.

Высылаю сейчас несколько стихотворений, только из тех, которые нигде не напечатаны, пусть не и лучших. Может быть, найдешь возможность отобрать хотя бы одно (или пару) из них. Книжку «Сосен шум» вышлю завтра.

Напиши, пожалуйста, ответ.

По адресу: Вологда, д. 15, ком. 415.

За твой «глагол» огромное и сердечное спасибо.

С Новым годом!

Наилучшего тебе!

Николай Рубцов

В. М. ЕРМАКОВУ

Вологда, январь 1971

Дорогой Валя!

Я думаю, что ты, как редактор и как друг, сможешь мне немножко в составлении рукописи.

Я посылаю стихи после того, как несколько раз вовремя не получил твоих писем.

Очень трудно в городе Вологде с машинистками. Поэтому (если необходимо перепечатать рукопись), необходимо не забывать о том, что все расчеты (со временем) я беру на себя.

У меня к тебе, Валя, одна просьба: пожалуйста, исходя из того приложения стихотворного и книжки, выбери и составь хорошую книжку.

Еще вот что: как Дмитрий Смирнов смотрит на тираж?

Если бы ты приехал однажды в Вологду, это было бы очень хорошо. Но давай договоримся об этом по телефону.

Я тебе позволю (неразборч.) или телеграфирую. А сам я приеду в конце..... (неразборчиво).

Н. Рубцов

Очень будет хорошо, если не забудешь включить в рукопись «Я буду сказать по холмам...»

Н. Р.

Р. С.

Содержание, видимо, надо учесть по этой рукописи для художников. До встречи! Вместо «Зеленых цветов» предлагаю «Над Вечным покоем» (Валя, у меня болит рука).

Николай Рубцов

Это приложение к рукописи. Ты ее, пожалуйста,
посмотри.

Пиши ответ!

Жду.

СОДЕРЖАНИЕ

- И.Г.Каркавцеву. 12 сентября 1952
В Тралфлот
Т.А.Смирновой. 1 января 1956 **
В.И.Сафонову. 2 февраля 1959 **
В.И.Сафонову. 29 мая 1959 **
В.И.Сафонову. март 1960 ***
Г.Б.Гоппе. март 1960 ***
В.И.Сафонову. 2 июля 1960 **
Неизвестной. [1961] **
Э.М.Шнейдерману. Начало 1961
К.К.Кузьминскому 15 августа 1961 **
Г.Я.Горбовскому. Январь 1962
Е.М.Дементьевой. Май 1962
В Литературный институт. Май 1962
Г.М.Рубцовой. 17 июля 1962
Э.М.Шнейдерману. 21 сентября 1962
Э.М.Шнейдерману. Октябрь 1962 **
А.А.Мигунову. 10 декабря 1962
И.Н.Серегину. 7 января 1963
И.Н.Серегину. 25 февраля 1963
Г.М.Меньшиковой. Апрель 1963 (телеграмма)
Б.А.Слуцкому. 3 июля 1963
А.Я.Яшину. 13 декабря 1963 **
И.Н.Серегину. 21 декабря 1963
Е.А.Исаеву. 1964
Н.Н.Сидоренко. 12 апреля 1964
Отрывок из письма издателю. Весна-лето 1964 **
В ректорат Литературного института. 23 июня 1964
Н.Н.Сидоренко. 10 июля 1964
В.Ф.Бокову. 15 июля 1964
С.П.Багрову. 27 июля 1964 **
Н.Н.Сидоренко. 15 августа 1964

А.Я.Яшину. 22 августа 1964 **
С.П.Багрову. Август 1964 **
С.П.Багрову. Август 1964 **
Н.Н.Сидоренко. 23 сентября 1964
А.Я.Яшину. 25 сентября 1964 **
С.П.Багрову. Осень 1964 **
С.П.Багрову. 30 октября 1964 **
А.Я.Яшину. 3 ноября 1964 **
В.И.Белову (телеграмма)
Л.А.Коленистову. 6 ноября 1964
С.В.Викулову. Ноябрь-декабрь 1964 **
С.П.Багрову. Осень 1964 **
С.Ю.Куняеву. Ноябрь 1964 **
С.Ю.Куняеву. Ноябрь 1964 **
С.В.Викулову. Ноябрь-декабрь 1964 **
С.П.Багрову. Декабрь 1964 **
Г.Я. Горбовскому. Зима 1964 **
В Литературный институт. Декабрь 1964
Н.Н.Сидоренко. 19 декабря 1964
Е.А.Исаеву. Конец 1964
Начинающему автору. январь 1965 (?) *
Н.Н.Сидоренко. 17 февраля 1965
Б.А.Чулкову. 1965 *
Из письма в Архангельское изд-во **
Е.А.Исаеву. 2 апреля 1965
В.Ф.Пименову. 27 апреля 1965
В.К.Семакину. 1965
А.А.Романову. Осень 1965 **
А.А.Романову. Сентябрь 1965 **
В.Д.Елесину. Октябрь 1965 **
В.Д.Елесину. 24 октября 1965 **
В.Д.Елесину. Ноябрь 1965 **
А.Я.Яшину. 19 ноября 1965
Ф.Ф.Кузнецову. 20 ноября 1965
В горотдел милиции г. Череповца. Декабрь 1965
А.А.Романову. Начало 1966 **

В Литературный институт. 18 марта 1966
А.А.Романову. 28 июня 1966 **
В.Нечунаеву и Б. Шишаеву. Июнь-июль 1966 **
Ф.Ф.Кузнецову. 2 июля 1966 *
Л.А.Мелкову. 22 июля 1966 *
В редакцию журнала "Юность". Лето 1966
В издательство "Советский писатель". Осень 1966
С.Н.Шмитько. Лето 1967
В Вологодский обком КПСС. Заявление. 15 июля
1967 *
В приемную комиссию СП РСФСР. 10 сентября 1967
Ю.Н.Кушаку. 9 декабря 1967
В.Д.Елесину. 18 декабря 1967
Н.Шишову. Около 1968
В Союз писателей СССР. 20 августа 1968
Н.Маклаковой. Осень 1968
В.И.Другову. Конец 1968 **
В.М.Ермакову. 12 февраля 1969
А.А.Михайлову. Апрель-май 1969
А.В.Кругликову. 1969
М.А.Котову. 1969-1971
А.В.Кругликову. 3 апреля 1970
Лене Меньшиковой. Апрель 1970
Лене Меньшиковой. 7 апреля 1970
Л.А.Дербиной. 21 июля 1970 *
В.М.Ермакову. 31 июля 1970
Л.А.Дербиной. Август 1970 *
В.М.Ермакову. 27 октября 1970
В.Д.Цыбину. Конец 1970
В.М.Ермакову. Январь 1971

Письма печатаются по изданию: Н.Рубцов. Собрание сочинений в 3-х томах., М., Терра, 2000 / Сост. В.Зинченко, за исключением:

(*): печатаются по изданию: Рубцов Н.М. Звезда полей. / Составление и подготовка текстов Л.А.Мелкова

/ . — М.: Воскресенье, 1999.

(**): печатаются по изданию: Николай Рубцов: Вологодская трагедия. / Составление и подготовка текстов Н.М.Коняева / . — М.: Эллис Лак, 1997.

(***): печатаются по изданию: Виктор Бараков. Неизвестные стихотворения и письма Николая Рубцова. / журнал "Москва", № 1, 2006.